

A movie poster for 'The Return of the Silent One'. The scene is set on a beach during a storm. A woman with long, wavy blonde hair, wearing a long, flowing red dress with a dark lace collar, stands barefoot. She is embracing a muscular man from behind. The man is shirtless, wearing blue leggings and dark boots with red straps. In the background, a large, dark castle with multiple towers sits on a cliff overlooking the sea. The sky is dark and stormy, with a full moon in the upper left and several seagulls flying. Waves are crashing against the shore, and several wooden barrels are scattered on the beach. A small fire burns in the lower right corner.

Марина СМЕЖИЧЕВСКАЯ

**ПРИШЕДШИЙ
ИЗ БЕЗМОЛВИЯ**

астра нова

Марина Снежневская

Пришедший из Безмолвия

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Она – юная чародейка из захолустного замка – с невеликой пока, но обещающей возрасти силой и умением узнавать мысли человека лишь коснувшись его. Она знает что пророчество предвещает ей встречу с Пришедшим из Безмолвия. А встретив – понимает что любит его всей душой... Он не помнит кто он и откуда. В голове у него – обрывки странного прошлого и непонятные знания. На шее у него – амулет из камня что добывался в рудниках страны давным-давно сгинувшей на дне моря. А еще он любит юную чародейку... Но не зря в пророчестве сказано что эта любовь погубит его, погубит его возлюбленную, и погубит весь этот мир в который он пришел из неведомых бездн пространства и времени что лежат по ту сторону великого Безмолвия. А значит – и ему и ей придется сделать выбор...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

90

Марина Снежневская

Пришедший из Безмолвия

«И Он говорит Пресветлым, быть дню, быть ли ночи... и небеса темнели. И приходил вечер, и вечер умирал, и наступала ночь. Ночь равная тысяче людских лет...»

Книга сказаний

– Он жив? – спросила Лайрэ глядя а на бесчувственное нагое тело мужчины – могучего, темноволосого, не достигшего еще и тридцати лет судя по всему.

– Жив... как будто...

Лайрэ вздохнула с облегчением.

– Где ты нашел его? – снова спросила она.

– В Священном Круге... – голос названного брата дрогнул.

Лайрэ ждала, что он еще скажет. Но лорд Гаррос просто смотрел на названную сестру – от этого взора ей становилась не по себе.

– Где-е? – переспросила она, почти не в силах поверить.

– Где слышала, – с обреченной злостью бросил он. В хринге¹...

¹ Хринг (имеет общие корни с «ринг») священное каменное кольцо обладающее магической силой. Хринги разбросаны по Седым Землям в немалом числе и по преданию, воздвигнуты в незапамятные времена некими Исконными – людьми (или нелюдьми) – обладавшими великим могуществом и уничтоженными

Язычки пламени в лампionaх вагамской тонкой работы гнулись и трепетали, словно живые, под порывами холодного осеннего ветра, задувавшего в распахнутую дверь дома.

– Еще кое-что... Он носит твой знак. – С этими словами Гаррос перевернул незнакомца на спину. Она вскрикнула невольно прикрыв рот рукой – на груди чужака светился золотисто алый огонек.

Лайрэ опустилась на колени рядом с ним и поднесла поближе свечу, чтобы рассмотреть талисман. На камне была вырезана надпись знаками древнего забытого письма. Руны препоручали носящего талисман покровительству неведомых богов или духов – а может обрекали проклятью – ибо легенды о Первоначальных и Исконных были скупы в свидетельствах, но единодушны в том что слишком много тьмы впустили они в себя...

Лайрэ глубоко вздохнула...

Брат наверняка хочет быть уверен что чужак не окажется каким-нибудь черным колдуном, посланным сюда, в Седые Земли, для каких-то тайных недобрых дел... Лайрэ торопливо накинула на плечи плащ и раздула огонь в очаге. Вскоре приветливо взметнувшиеся языки пламени согрели комнату и, подобно солнечным бликам, заиграли на длинных золотистых прядях Лайрэ.

– Пододвинь его ближе к огню, – сказала Лайрэ. – Он, должно быть, совсем ооченел.

Гаррос передвинул незнакомца с такой легкостью, словно тот весил не больше мышонка. Лицо у чужака было удивительно чисто выбрито – такой цирюльник вполне был бы ко двору любому королю.

– Ты послал кого-нибудь из дружинников за Вианной? – спросила Лайрэ.

– Нет.

– Почему же? Ведь Вианна более искусная целительница, чем я.

– Но не такая искусная мантисса².

Лайрэ украдкой перевела дыхание. Она медленно просунула руку под платье и нижнюю сорочку.

У нее было немало ожерелий и браслетов, однако лишь одно украшение она носила не снимая, даже когда мылась или ложилась спать. Цепочка этого кулона была из тонкой работы золотых колец. К ней был подвешен кристалл ильяра в золотой оправе величиной в голубиное яйцо, на одной из граней которого красовались мелкие руны.

Этот древний, бесценный, таинственный кулон был дан ей при рождении неведомо кем – может быть родителями или опекуном (В детстве она иногда думала что это был некий бог или эльфийская королева). Заключенный внутри кристалла магический свет казалось – жил в глубине камня, как огненно-золотистая капля, взятая из солнечного озера.

Шепча древние слова, Лайрэ взяла кулон в сложенные ча-

² Мантисса – гадалка, предсказательница.

шей ладони. Потом она быстро наклонилась к огню, держа кулон над самым пламенем. Камень наполнился неуловимой, непрерывно меняющейся игрой света и тени.

– Ты что-нибудь видишь? – спросил Гаррос.

– Ничего.

Он раздосадовано фыркнул.

– Не может быть, чтобы ты ничего не видела, – пробормотал Гаррос. – Даже я могу заглянуть в ильяр, когда...

– Свет, – заговорила вдруг Лайрэ. – Круг. Древний. Йиллайина. Темные тени. Там...

Что-то...

Голос ее затих. Она подняла голову и увидела, что Гаррос пристально смотрит на нее, и глаза у него совсем как ильяр в лунном свете – сумрачно-огненные, загадочные.

– Это Священный круг камней и священная йиллайина, – решительно произнес Гаррос.

Название древнего редкого дерева что был любимо в старых эльфийских королевствах почему-то вселяло в него тревогу.

Гаррос ждал в напряженной позе, словно мелит³, готовый броситься в битву.

Лайрэ пожала плечами.

– Древних хрингов много, – наконец сказала она, – а в нашем мире слишком много клубится темных теней.

– Ты видела его там, где я его нашел.

³ Мелит – в раннем средневековье – дружинник у феодала.

– Нет! Ведь йиллайина растет внутри хринга.

– Он и был там.

От спокойных слов Гарроса у Лайрэ по телу побежал холодок. – Внутри? – прошептала она: – Тарос милостивый, кто же он такой?

– Один из тех в ком древняя кровь. Повелевающий Силой, без сомнения. Никто другой не мог бы пройти между камнями внутрь хринга.

Лайрэ вздрогнула и с опаской посмотрела на него.

– А йиллайина была в цвету? – спросила она зачем-то.

– Она не цвела уже тысячу лет, – бросил лорд. С тех пор как эти края оставили эльфы. Ты же знаешь сама...

– Что еще ты там видела?

– Ничего.

– Ну ладно. Скажи тогда, что ты почувствовала?

– Я почувствовала...

Гаррос ждал. И еще ждал.

– Проклятье! Разрази меня гром! Говори же! – потребовал Гаррос.

– Я не знаю, как сказать. Это просто такое чувство, будто...

– Будто что? – не отставал он.

– ...Не знаю... как сказать... – она запнулась. Будто я стою на краю пропасти и мне надо лишь сделать шаг, чтобы полететь.

Гаррос как-то странно посмотрел на нее.

– Да – надо бы позвать Вианну... – забормотала она. Будет жаль, если простая хворь унесет человека, который умеет проходить между священными камнями.

– Может быть. Но все же я думаю, что мне было бы лучше убить его как только я его увидел...

Лайрэ в ужасе уставилась на Гарроса. Он улыбнулся ей своей привычной ледяной улыбкой – под стать снегу что ложиться зимой на горные вершины.

– Ты хочешь умертвить незнакомца, найденного в священном месте? Ты в уме, братец?

– А вдруг он – один из дружинников Лонга Навингского, посланный сюда вынюхивать и высматривать для своего господина. С тех пор как Андол стал его сеньором – он стал нашим врагом вдвойне.

– Так значит, слух верный. Ульфхтанг отдал своему врагу-гойделлу в управление земли вокруг Фиирна? – переспросила Лайрэ.

– Да, – с горечью ответил Гаррос. – Только Лонг больше не враг Андолу. Под угрозой меча и магии Молот Орков⁴ присягнул на верность Зверю.

Лайрэ отвела от Гарроса глаза – так ярко горела его ярость. Ей не надо было прикасаться к нему, чтобы измерить силу его сдерживаемой ярости. Лонг Навингский, по заслу-

⁴ Молот Орков – почетное звание в Седых Землях для воина победившего военного вождя орочьего клана или племени, или людского военачальника выигравшего не менее трех сражений с орками.

гам носивший титул Молота Орков, был хотя храбрым, но незаконнорожденным, и безземельным витязем ничем не отличающимся по сути от наемника. Однако теперь он завидный жених и богатый лорд – раз Андол Андол отдал ему в управление замок Фтхор и окружающие его земли – часть родовых владений предков Гарроса.

Гарросу сколь себя помнит Лайрэ приходилось сражаться с грабителями, орками и родичами за право владеть доменом. Можно было почти не сомневаться, что и опять придется. Такова была сама суть Седых Земель – хозяин любого владения – лишь последний по счету захватчик. А еще – если уж Молот Орков – сам Молот Орков покорился... Непросто придется ее брату укрощать притязания Зверя Ночи.

– Какую ты нашел одежду при незнакомце? – спросила Лайрэ возвращаясь к находке.

– Я нашел его таким, как ты видела. Без всякой одежды.

– Значит, он не мелит.

– Отчего же? – парировал лорд. Кому как не мне знать – не все «морские короли» или ландскнехты возвращаются из похода с сундуками золота и драгоценных камней. Не все и не всегда, – покачал головой Гаррос.

– Но даже у самого бедного из них есть доспехи, оружие, конь, – возразила она. – Хоть что-нибудь, да есть.

– «Что-нибудь» есть и у него, пробурчал лорд.

– Что же это?

– Талисман. Он знаком тебе?

Лайрэ покачала головой.

Гаррос шумно выдохнул какое-то проклятие.

– Может, знает Вианна? – предположила Лайрэ.

– Наверяд ли.

В комнате ощущался холод, несмотря на весело пылающий огонь, и Лайрэ чувствовала, как вокруг нее сжимаются челюсти судьбы.

Гаррос пришел к ней, как делал это не раз, когда ему надо было знать правду о человеке, который не мог или не хотел сказать эту правду сам. И раньше Лайрэ узнавала то что хотел брат.

Но теперь ей было страшно.

Он явится тебе из Древней Тени и Бездонной Тьмы, явится из Безмолвия и...

Эти слова из изреченного когда-то старой Вианной прозвучали в мыслях Лайрэ, когда она смотрела на бесчувственное нагое тело мужчины могучего сложения.

Пророчество старое и туманное, дрожало в окружающем воздухе, словно струна лютни, брошенной убитым менестрелем, чья песня прогневала лорда... Или тетива лука. И Лайрэ страшилась смерти, которую понесет на своем острие невидимая, неумолимая стрела Рока.

Но в то же самое время желание обрести судьбу росло внутри нее, теснило ей грудь, почти не давало дышать. Желание *узнать* становилось сильнее всего на свете – сильнее

желания узнать свое настоящее имя, найти своих потерянных родителей, свое спрятанное наследие – о которых она думала едва ли не ежедневно.

Это неукротимое желание больше всего пугало Лайрэ.

– Вианна знает больше нас с тобой вместе взятых, – напряженно сказала Лайрэ. – Мы должны ее вызвать сейчас.

– Знать и уметь не одно и то же – ты умеешь больше! – вновь ворчливо изрек лорд.

– Не во всем!

Кроме того... Когда ты родилась, Вианна назвала тебя Лайрэ. Думаешь, это была просто ее причуда? Лайрэ – ильярская на старом языке?

– Чушь! – вспыхнула девушка. Лайрэ – имя средней дочери Богини!

– Как ильяр царит над драгоценными камнями так ты должна царить среди Повелевающих Силой. И Вианна это поняла. Как и то, что не сможет с тобой в этом сравняться.

Лайрэ ничего не ответила.

– Небеса и тьма! – пробормотал Гаррос, – ну почему ты такая упрямая?

– Ты уже забыл пророчество Вианны? – перебила его Лайрэ.

– Это которое? – резко ответил он вопросом на вопрос. – Вианна роняет пророчеств, словно дуб желуди... Глядишь и свиньям прокормится можно...

– Спорить с тобой – так проще с тенью драться! – вспы-

лила она. Воистину – правду сказала Вианна – говорить о древних тайнах таким как ты – все равно что читать проповедь ослу или тем самым свиньям!.

– Мудрость – ее, а свиньи, конечно, мои. Впрочем – ни ты ни она мясом моих свиней не брезгуете... – лорд казалось вот вот рассмеётся.

Лайрэ однако была не склонна шутить.

– Выслушай меня, – настойчиво сказала она. – Ты ведь знаешь, что привиделось Вианне, когда я только родилась.

– Ну конечно же! – вспыхнул он. Я слышу это уже столько сколько себя помню...

Тогда послушай еще раз!

«Он явится тебе из Бездны и Безмолвия. Он придет – и ты узнаешь жизнь, которая невыразимо прекрасна, или смерть, которая беспощадной лавиной рухнет на мир...».

– Прости, – сказал Гаррос, – не знаю – кто уж там придет из Безмолвия – но по-моему глупо бояться пророчества – оно сбудется либо нет и тут ничего не поделаешь.

Кулон на ладони у Лайрэ пылал, словно капля огня. Она пристально вглядывалась в него, но видела лишь то, что и прежде. Священное пламя... Священный круг камней. Священную йиллайину. Тень Бездны где то рядом...

– Пусть будет так, – прошептала Лайрэ. Стиснув зубы, она опустилась на колени у огня и приложила ладонь к щеке незнакомца.

Ощущение удовольствия было таким острым, что Лайрэ

вскрикнула и отдернула руку. Опомнившись, она вновь медленно потянулась к незнакомцу.

Гаррос невольно сделал движение, как бы желая оградить Лайрэ от новой боли. Потом овладел собой и стал наблюдать, сжав губы.

Когда рука Лайрэ прикоснулась к незнакомцу во второй раз, она ее не отдернула. Издав какой-то тихий звук, она придвинулась еще ближе к нему. Закрыв глаза, отрешившись от всего остального мира, она упивалась чистейшим наслаждением, подобного которому еще никогда не испытывала.

Ей показалось, будто она парит невесомо в облаке света, овеваемая добрым теплом, увлекаемая куда-то. А там, где кончалось облако золотистого сияния, темной тенью клубилось....

У Лайрэ вырвался негромкий крик.

Доблестный воин, свет и тьма, радость и боль, друг и смертельный враг... – прозвучал в ушах голос старой друидессы.

– Лайрэ.

Она медленно открыла глаза. По выражению лица Гарроса она поняла, что он окликает ее уже не первый раз. Темные глаза напряженно следили за ней. Его беспокойство за нее было ощутимым, и это согревало. Она заставила себя улыбнуться вопреки смятению, бушевавшему у нее внутри.

Она стольким обязана Гарросу и его семье. Они дали ей, эту усадьбу, землю, и поселил нескольких вилланов рядом –

чтоб она не нуждалась в хлебе насущном... Он был её семьей. И вот сейчас она собирается обмануть доверие Гарроса ради какого-то чужака, который вполне может оказаться его врагом.

Прикоснувшись к незнакомцу, Лайрэ уже не могла допустить его смерти от руки Гарроса. По крайней мере, пока не будет уверена, что этот человек – тот, кого она боится.

Возможно, она не выдаст его даже и тогда.

Он может быть просто обычным бродягой-воином издавна, которого никто не знает.

Да! Просто незнакомец. Ведь в Седых Землях появлялись и другие воины из других мест. Она слушала их рассказы о том, какие им выпали испытания на Дальнем Юге. Этот человек может быть из их числа...

– Лайрэ?

– Оставь его здесь, – сказала она хриплым шепотом. – Он принадлежит мне.

Гаррос длинно, с облегчением выдохнул, как только понял, что хотя прикосновение к незнакомцу расстроило Лайрэ, но настоящей боли ей не причинило.

– Должно быть, боги услышали мои молитвы, – сказал Гаррос.

Лайрэ вопросительно посмотрела на него.

– Мне нужны искусные воины. Молот Орков – это лишь первая моя беда.

– Есть и другие – с тревогой спросила Лайрэ.

– Чуть севернее Зигианда видели морских разбойников. Да и родичи опять зашевелились.

– Вот и пошли их сражаться с проклятыми ульфхтангами. Или с орками...

– Они, скорее, объединятся с находниками и нелюдьми и нападут на мои владения, – невесело улыбнулся Гаррос.

Лайрэ заставила себя не смотреть на незнакомца. Если такие воины, как Андол Андол или Молот Орков, будут сражаться на стороне Гарроса, а не против него, это для Седых Земель вполне могло бы означать мир вместо затяжной войны.

Только вот желать, чтобы могущественный лорд или его ковисский вассал вступили в союз с подданным короля Артор-Симво, было все равно что думать, будто солнечный свет можно упрятать в сундук.

– Как зовут моего нового воина? – спросил Гаррос.

– Я спрошу его, когда он проснется, – ответила Лайрэ.

– Зачем он явился на Седые Земли?

– Это второе, о чем я его спрошу.

– Куда он держал путь?

– А это третье. Гаррос крикнул.

– Не много же ты узнала.

– Не много, – согласилась Лайрэ. Ведь он спит – и не простым сном.

– Он заколдован? – настороженно спросил Гаррос.

– Нет. Вернее не совсем...

Гаррос поднял брови, удивленный быстротой ее ответа.

– Ты совершенно в этом уверена? – сказал он.

– Я ни в чем не уверена...

Нахмурившись, Лайрэ стала вспоминать. Ощущение, перетекавшее к ней от чужака, сильно отличалось от того, что к ней когда-либо приходило через прикосновение. Но она не увидела никакого хаотического мелькания образов, которые должны были населять его мозг, за все те времена до того, как он оказался в Священном Круге, у подножия священной йиллайины. Не уловила яркого чувства цели, подобного вспышкам молнии во мраке. Не увидела никаких лиц, любимых или ненавистных. Этот человек как будто только что родился. Лишь слабые, ускользающие проблески света, которые отступали все дальше, как только она пыталась приблизиться.

– Я не чувствую ничего опасного или злого, что поселилось бы у него внутри, – сказала она наконец. – Словно прикасаюсь к младенцу.

– Младенец! – фыркнул Гаррос. – Да поразит меня безумием бог Мудрости, если это не самый большой младенец, которого я когда-либо видел!

Лайрэ убрала руку.

– Что еще ты можешь сказать мне? – спросил Гаррос.

– Обычно ты задаешь вопрос, а человек, к которому я прикасаюсь, отвечает, и я узнаю через прикосновение, правду или неправду он говорит, – медленно произнесла Лайрэ. – В

этот раз все было... иначе.

Гаррос перевел взгляд с бесчувственного тела незнакомца на Лайрэ, которая и сама в этот момент показалась ему чужой.

– Ты здорова? – мягко спросил он. Лайрэ сильно вздрогнула.

– Да.

– Похоже, ты где-то не здесь.

Улыбка далась ей с большим трудом.

– Да – это свойство Дара... ты же знаешь...

– Прости меня.

– Ты ни в чем не виноват. Боги посылают нам не больше того, что мы в силах вынести.

Улыбка Лайрэ угасла, и у нее в памяти вновь зазвучали слова пророчества.

Смерть беспощадной лавинойю

Рухнет на мир...

И водопадом низринувшись

Его сокрушит...»

* * *

Аромат тиса и пиний наполнял усадьбу Лайрэ. Трепетало пламя свечей в подсвечниках и лампionaх. Оно освещало

дрожащим золотистым светом человека без имени. Человека, находящегося в плену сна без сновидений.

Лайрэ точно знала, что ему ничего не снится, потому что последние два дня она провела, втирая целебные снадобья в его тело. За это время она не уловила в нем ничего нового. Не исчезло и удовольствие, которое она испытывала, когда прикасалась к нему. Оно было сейчас столь же острым, как и в самый первый раз. Вид крепких веревок, которыми он был привязан к остоу кровати, заставил ее нахмуриться. Гаррос сказал, что либо незнакомец будет связан, либо один из дружинников Гарроса останется рядом с Лайрэ. А как же иначе если спящий вдруг проснется и окажется, что он и есть тот враг, которого она боится.

Лайрэ не знала, что будет делать, если это случится. Ей не хотелось даже думать об этом...

Работая, Лайрэ разговаривала с незнакомцем, пытаясь воздействовать на него словами, теплом своего прикосновения и острой, целительной силой ильяра. В ответ лишь размеренно вздымалась и опускалась широкая грудь незнакомца.

– Мой избранник пришедший из безмолвия, – еле слышно сказала Лайрэ, как говорила уже много раз. – Как ты оказался в Священном Круге? Ты был один? – спросила Лайрэ. – Скажи – ты был один?

– А твои глаза? Может быть, они серые, как лед и зимний день? Серые, как у Андола Андола? Или темнее? Говорят, у

Молота Орков темные глаза.

Дыхание незнакомца оставалось по-прежнему глубоким и ровным.

– Я молюсь, чтобы ты оказался безвестным, – прошептала Лайрэ.

– Может быть, ты снял свою одежду, чтобы пройти в священный круг и поспать в безопасности у подножия йиллайины?

Незнакомец издал какой-то еле различимый звук.

– Да, – оживилась Лайрэ. – О да, мой воин. Выходи на свет. Оставь позади все тени мрака.

Хотя незнакомец ничего не ответил, Лайрэ ликовала. Мало-помалу он всплывал из глубин этого странного сна. Она ощущала, что ему приятны ее поглаживания и растирания, ощущала это так ясно, как если бы он сам ей это сказал.

Но и сейчас ей не передавалось от него никаких образов, никаких имен, никаких лиц.

– Где ты прячешься, мой возлюбленный? – спросила она. – И почему?

Лайрэ отвела густые, чуть выющиеся волосы со лба незнакомца.

– Даже если ты чего-то боишься, тебе все равно пора проснуться. Иначе ты навсегда останешься во мраке, который не кончится до самой смерти.

Незнакомец не произнес ни звука. Как будто ей все просто показалось.

Устало выпрямившись, Лайрэ бросила в жаровню немного благовоний. Несколько унций драгоценной смолы сторел почти полностью. Она добавила еще один кусочек из своего запаса драгоценной смолы драконовой пальмы. Тоненькая струйка ароматного дыма, извиваясь, поползла вверх.

Тело незнакомца вздрогнуло, но он не проснулся. Лайрэ начала опасаться, что он не проснется вовсе. Именно это нередко случалось с людьми, получившими удар камнем, палашом или орочьей дубиной. Они погружались в сон без сновидений. И иногда уже не просыпались.

Такого не может случиться с этим воином. Он мой!

Сила собственного чувства поразила Лайрэ. Охваченная тревогой, она начала ходить по усадьбе из угла в угол. Через какое-то время она заметила, что сквозь щели в ставнях проникают тоненькие лучики света утренней зари. За стенами запели петухи, торжествуя победу над уходящей ночью.

Лайрэ заглянула в щель между неплотно прилежавшими друг к другу ставнями. Сразившая незнакомца осенняя гроза пронеслась, оставив после себя заново сотворенный мир, сверкающий каплями росы и новыми надеждами.

Обычно в это время Лайрэ была уже на ногах, ухаживая за целебными растениями и травами, которые выращивала в небольшом садике для себя и старой Вианны.

Но сегодняшний день никак нельзя было назвать обычным. Как нельзя было назвать обычным и все это время, начиная с момента, когда Лайрэ прикоснулась к человеку без

имени и узнала, что с рождения ей было суждено стать по-другой этого человека.

Она подошла к кровати и легонько коснулась пальцами его щеки. Он все еще был в оковах своего странного сна.

– Но мне кажется, что сон уже не так глубок. Если ты все-таки проснешься, то, чего доброго, испугаешься моего вида и опять заснешь, – сказала она. Лайрэ достала таз и освежилась теплой водой с душистым мылом, пахнущим можжевельником. Надела чистую льняную рубашку, поправила ярко-красные чулки и натянула через голову платье из плотной, но мягкой шерсти.

Это платье тоже подарил ей лорд Артор-Симво вернее – его сын Гаррос в благодарность за целебные травы, которыми Лайрэ снабжала домашних лорда. Легким движением ловких пальцев она обернула вокруг бедер тройной шнур из бархата с золотыми кистями и завязала пояс на бедре особым узлом. На пояс подвесила ножны из тисненной узором кожи. В ножнах покоился нефртовый ритуальный кинжал, в серебряную рукоять которого выкованную в виде драконьей морды был вделан «глаз» из кроваво-красного рубина.

Схватив гребень, сделанный из комля йиллайины и украшенный нежно-розовым перламутром, она поспешила вернуться к постели незнакомца. Из мимолетного прикосновения она узнала, что он все еще плывет в глубинах своего неестественного сна. И что, подобно форели, рвется подняться вверх, к сверкающей там блесне солнца.

Лайрэ легонько потрясла его. Ответом было лишь бессмысленное бормотание. Оставшись возле постели и с волнением наблюдая за ним, она стала расчесывать свои длинные золотистые волосы.

– С каждым ударом сердца ты все ближе к солнечному свету, – с надеждой проговорила она. – Прошу тебя, проснись и назови мне свое имя.

Его голова беспокойно повернулась, дернулась рука. Лайрэ прикоснулась к нему, но не уловила ничего нового.

Ее охватило такое же беспокойство, какое владело и погруженным в сон незнакомцем. Она чуть-чуть приоткрыла ставни и выглянула из окна. Никого не было видно на тропинке, ведущей от замка к ее уединенной усадьбе.

Она открыла ставни пошире и стала заплетать волосы, не обращая внимания на порыв бодрящего ветра, устремившегося внутрь. Гребень выскользнул у нее из рук и упал на усыпанный тростником пол возле самой кровати. Она захлопнула ставни.

Когда она нагнулась за гребнем, ее волосы упали на привязанное к кровати запястье незнакомца. Крепкие, сильные пальцы вцепились в них.

Она замерла, а в следующее мгновение встретилась с пристальным взглядом карих глаз, смотревших на нее с расстояния в несколько дюймов.

– Кто... ты? – спросил низкий и в то же время певучий мужской голос.

– Ты пришел в себя! Ты проспал два дня, и я боялась, что...

– Два дня? – переспросил он.

– А сам ты не помнишь? – тихо сказала Лайрэ, глядя его по руке, вцепившейся ей в волосы. – Была гроза.

Она остановилась и с надеждой ждала, что он ответит.

– Ничего не помню, – проговорил он.

Лайрэ не сомневалась, что так оно и есть на самом деле. Касаясь незнакомца, она ощущала лишь глубину его смятения.

– Я. Ничего. Не. Помню! – с силой повторил незнакомец. – Что со мной случилось?

В его голосе слышалось смятение и страх. Он попытался встать, но лишь понял, что связан по рукам и ногам. Он был так поражен, что отпустил волосы Лайрэ и попробовал освободить от пут руку.

– Успокойся, – сказала Лайрэ, беря его за руку.

– Я связан! Я что, пленник?

– Нет, это просто...

– Прошу скажите, что здесь происходит?

– Я не желаю тебе зла, – ласково сказала Лайрэ. – Ты был болен и в беспамятстве.

С таким же успехом она могла бы разговаривать с ветром. Мышцы незнакомца вздулись от усилий разорвать путы. Дубовая кровать закрипела, а ремни впились ему в тело, но выдержали.

Звериное рычание рвалось из горла. Тело его с силой выгнулось, когда он рванулся в попытке освободиться. Веревки врезались так, что брызнула кровь.

– Не надо, – вскрикнула Лайрэ. – Стой! Хватит! Она упала на незнакомца и повисла на нем, словно на заартачившейся лошади, стараясь помешать ему ранить себя еще больше.

Внезапно оказавшись погребенным под упругим женским телом и целым водопадом золотистых волос, незнакомец от неожиданности на мгновение перестал вырываться.

Лайрэ только это и было нужно. Она легко коснулась устами его обнаженной груди, и он замер пораженный.

Дрожь прокатилась по его телу. Каждый удар сердца невыносимой болью отдавался у него в голове. Постепенно, видимым усилием воли он заставил себя не пытаться разорвать веревки.

От ощущения рук Лайрэ на обнаженной коже и шелковистой тяжести ее волос, скользнувших по низу его живота, тело его опять содрогнулось. Сердце заколотилось сильнее, чем в те короткие мгновения, когда он пытался освободиться от пут.

Потом он увидел, как она выдернула из ножен древний кинжал шлифованного камня.

– Нет, – хрипло прошептал он. Я не враг...

Но вдруг понял, что кинжал предназначен для стягивавших его узлов, а не для его плоти. Лайрэ подняла на него глаза, оторвавшись от работы, и ободряюще улыбнулась.

– Прости, что пришлось тебя связать, – сказала она. – Ты был... не в себе. – Никто не знал, что ты станешь делать, когда проснешься.

...Веревки быстро поддались кинжалу.

– Прости, – повторила Лайрэ. – Гаррос приказал, чтобы тебя связали... на всякий случай. Но я знаю, что ты не причинил бы мне ничего плохого.

В ответ незнакомец лишь покачал головой. Несколько мгновений он лежал и смотрел на Лайрэ, стараясь понять, что с ним случилось.

Он ясно понимал лишь одно: чем меньше он двигался, тем меньше боль в голове.

– Не в себе? – переспросил он наконец. – Я был болен?

Лайрэ кивнула.

– Что это за болезнь, которая не оставляет человеку ничего – ни памяти, ни даже имени?

Лайрэ похолодела. Неужели сбывается пророчество?

Я не верю! Он не может быть тем человеком без имени!

– Ты не помнишь как тебя зовут? – спросила она голосом, в котором слышалась боль.

– Нет, ничего не помню, только...

– Что?

– Темнота. Темнота и... ничего больше.

– И все? Дрожащей рукой она убрала кинжал в ножны, несколько раз промахнувшись и чуть не поранившись...

Густые ресницы слегка дрогнули, когда незнакомец, по-

тирая запястья, стал смотреть в потолок, словно искал там ответ на свои вопросы...

– Свет, – медленно сказал он, – нежный голос зовет меня, манит... Свет... как от камня что у меня на шее – и у тебя...

Карие глаза, усеянные серыми, зелеными и синими крапинками, пристально глянули на Лайрэ. Движение его руки было таким быстрым, что она оказалась схваченной в мгновение ока. На этот раз он держал ее мягко, но так крепко, что ей было никак не вырваться.

Да Лайрэ и не хотела вырваться. Странное ощущение удовольствия разливалось по всему ее телу. От путаницы в ощущениях у нее перехватило дыхание, хотя она ясно понимала, что его чувства сейчас кипят и могут в любой миг вырваться наружу.

Незнакомец медленно усадил Лайрэ на постель рядом с собой, зарылся в ее волосы и глубоко вдохнул их аромат. Лайрэ легко коснулась губами его щеки и груди, как привыкла делать за долгие часы ухода за больным.

– Это была ты? – спросил он охрипшим голосом.

– Да, – просто ответила она.

– Я тебя знаю?

– Ты знаешь лишь то, что помнишь, – ответила она. – Скажи сам, знаешь ли ты меня.

– Кажется, я никогда еще не встречал девушки прекраснее тебя. Даже...

Голос незнакомца умолк, а сам он болезненно нахмурил-

ся.

– Что с тобой? – спросила Лайрэ.

– Не могу вспомнить...

Когда незнакомец говорил, Лайрэ нарочно плотно прижала ладони обеих рук к обнаженной коже его плеча. И уловила смутный образ женщины с огненными волосами и ясными глазами сапфирового цвета.

Образ растаял, не оставив у него в памяти никакого имени, которое он мог бы связать с этим нежным лицом. Он покачал головой и с досады грубовато выругался.

Он не может быть человеком без имени. Но он им был.

– Не спеши, дай себе время оправиться от болезни, – сказала Лайрэ. – Память вернется к тебе.

Широкие ладони схватили ее за плечи, и сильные пальцы глубоко погрузились в плоть.

– Но времени нет! Я должен... должен... Проклятье, не могу вспомнить!

Слезы выступили на глазах у Лайрэ, когда через нее хлынул поток мучительного отчаяния незнакомца. Он был человеком, для которого честь являлась не пустым звуком. Он давал клятвы – как теперь их выполнить? Ведь он не мог вспомнить, кому давал эти клятвы и в чем клялся.

Из горла Лайрэ вырвался крик, потому что боль незнакомца, его страх и ярость были и ее болью, страхом и яростью, пока она к нему прикасалась.

В тот же миг хватка вокруг ее плеч ослабла. Заглубившие

в сражениях руки стали ласкать, вместо того чтобы впиваться в плоть.

– Прости меня, – хрипло проговорил он. – Я не хотел сделать тебе больно.

Удивительно ласковые пальцы провели по ресницам Лайрэ, вытирая слезы. Вздрогнув от неожиданности, она открыла глаза.

Лицо незнакомца оказалось совсем рядом с ее лицом. Несмотря на собственное волнение, он тревожился за нее. Она видела это так же ясно, как густые темные ресницы, обрамлявшие его карие глаза.

– Ты н-не сделал мне больно, – сказала Лайрэ. – В том смысле, как ты думаешь.

– Но ты плачешь.

– Это от твоих страданий. Я так явственно их чувствую.

Темные брови приподнялись. Тыльной стороной пальцев незнакомец легонько провел по щеке Лайрэ. Ощутил горячую влагу слез.

– Не плачь, прекрасная фея.

Лайрэ невольно нахмурилась.

– Я не фея. И не сида! Я ученица Вианны Мудрой.

– Кто она?

– Друид... Друидесса... Светлая.

– Друид ... повторил он словно пробуя слово на вкус... –

Ну, тогда понятно, – сказал он наконец. – Ты колдунья.

– Вовсе нет! Просто я одна из Повелевающих Силой. –

Была бы я истинной колдуньей...

– Тогда что?

– Милорд Андол одержал много славных побед и разгромил самого короля Рахаргана с помощью своей жены-колдуньи, которая была ученицей Верховной матери друидов Лох-Гленны... А я... я тут.

– Я не хотел тебя обидеть. Я... очень уважаю ведьм... женщин, умеющих исцелять, – как-то жалобно забормотал он.

– Правда? – нарочито-строго спросила Лайрэ. – И многих из них ты знал?

– Незнакомец нахмурился.

– Не помню – выдал он наконец.

– Не надо так мучить себя, – попыталась внушить ему Лайрэ. – От этого только хуже. Разве ты сам не чувствуешь? Не зря говорят – труднее всего драться с самим собой!

– Драться – это то, что я умею делать лучше всего!

– Откуда ты это знаешь? Незнакомец замер.

– Не знаю откуда, – сказал он наконец. – Просто знаю, что это так, и все.

– Но ведь верно говорят, что человек, сражающийся с самим собой, никогда не победит.

В молчании незнакомец выслушал эту неутешительную истину.

– Если тебе суждено вспомнить, – добавила Лайрэ, – то ты вспомнишь.

– А если не суждено? – резко спросил он. – Так и останусь

до конца жизни человеком без имени?

Его слова легли в опасной близости к тому темному предсказанию, которое омрачало жизнь Лайрэ.

– Нет! – воскликнула она. – Я дам тебе имя. Я назову тебя – Тааур.

Многократным эхом это имя вернулось к Лайрэ, приведя ее в ужас. Она не хотела и не собиралась произносить его. Совсем не хотела.

Но было уже поздно. Она дала ему имя.

Тааур.

Нет! Нет!

Затаив дыхание, крепко сжав обеими руками его руку, Лайрэ ждала ответа от Тааура.

Откуда-то издалека к ней пришло слабое ощущение усиления, сдвига, сосредоточения...

Потом оно исчезло, угасло, словно эхо, прозвучавшее в третий раз.

– Тааур? – переспросил он. – Так меня зовут?

– Я не знаю, – печально сказала Лайрэ. – Но это имя подходит тебе. Оно означает э-э-«пришедший из безмолвия».

Ласковое прикосновение ее пальцев очаровывало Тааура, примиряло его с этим странным пробуждением в мире, который был ему как будто незнаком и одновременно казался чем-то близок.

Но чужд или знаком был ему этот мир, Тааур не знал. От неотступных мучительных мыслей он совсем обессилел и не

мог больше сопротивляться. Долгий подъем из тьмы истощил даже его могучую силу.

– Обещай, что не свяжешь меня, если я опять засну, – попросил он прерывающимся шепотом.

– Обещаю.

Тааур посмотрел на девушку, которая склонялась над ним с таким волнением и заботой. Множество вопросов теснилось у него в голове. Слишком много, чтобы не запутаться.

И слишком много таких, на которые нет ответов.

Даже если он не помнит подробностей своей жизни до пробуждения, кое-что он все же не забыл. Когда-то в прошлом он узнал, что атака в лоб не всегда годится для взятия укрепленной позиции.

Тем более что в этот момент ему не хватило бы сил атаковать в лоб даже мышь. Каждый раз, когда он собирался с силами, боль в голове становилась такой неистовой, что почти ослепляла его.

– Полежи хоть чуть чуть спокойно, – ободряющим голосом сказала Лайрэ. – А я пока заварю чай от головной боли.

– Как ты узнала?

Не отвечая, Лайрэ потянулась за смятым покрывалом. Ее распущенные волосы упали на Тааура. Нетерпеливо выдохнув, она откинула пшеничного оттенка волну за спину...

– Твои волосы похожи на золото, – сказал Тааур, поглаживая мягкую прядь локон. – Такие же прекрасные.

У Лайрэ перехватило дыхание. Ей показалось, что улыбка

Тааура может растопить лед на вершинах Угардана.

– Спасибо, – ответила она, тихо засмеявшись и покачав головой. – Меня зовут Лайрэ.

– Лайрэ...

Тааур перевел взгляд с ее длинных волос на ясные золотистые глаза.

– Да, – сказал он. – Лайрэ. Прекрасное имя... Тааур отпустил шелковистую прядь, погладил ее запястье и опустил свою руку на густой мех покрывала. Когда Тааур освободил ее руку, у Лайрэ возникло ощущение погасшего огня. Она едва не вскрикнула от огорчения.

– Значит, я Тааур, а ты Лайрэ, – произнес он после недолгого молчания. – Пока...

– Да, – прошептала она.

– Где я сейчас? – спросил Тааур.

– У меня в усадьбе.

Он огляделся и увидел, что он и Лайрэ находятся в просторной комнате. В очаге посреди комнаты весело горел огонь, а дым выходил через отверстие, оставленное в дощатом потолке. Что-то вкусное варилось в небольшом котелке, подвешенном над огнем. Стены были чисто выбелены известью, а пол застелен свежим тростником. В трех стенах усадьбы было по закрывающемуся ставнями окну. В четвертой была дверь.

С задумчивым видом Тааур ошупал постель. Льняные простыни, мягкая шерстяная ткань, роскошный мех, занавески,

вески из дорогой ткани. Тут же стояли стол со стулом, на столе – масляная лампа и лежало, как ему показалось, несколько древних рукописей.

Одежда Лайрэ тоже была из мягкой и теплой ткани. На ее запястьях и шее светились и переливались золотые украшения. Хотя обиталище хозяйки достаточно скромное...

– Ты живешь не очень богато, – сказал Тааур. (Стоп – а откуда он знает как живут *здесь* богачи?)

– Мне выпал счастливый жребий. Гаррос, вассал и родич лорда Артор-Симво Северного, покровительствует мне.

Привязанность Лайрэ к Гарросу ясно слышалась в ее голосе и светилась в улыбке. Лицо Тааура помрачнело, и в этот момент Лайрэ подумала, не слишком ли она поторопилась развязать его.

– Ты его возлюбленная? – спросил Тааур. Сначала Лайрэ не поняла заданного резким тоном вопроса. Когда же его смысл дошел до нее, она вспыхнула.

– Нет! Лорд Артор-Симво уже стар...

– Не Артор-Симво, – перебил ее Тааур. – Гаррос.

Лайрэ радостно улыбнулась.

– Возлюбленная Гарроса? – повторила она. – Гаррос бы лопнул от злости, если бы это услышал. Мы с ним знаем друг друга с тех пор, когда стали осознавать себя.

– И он одаривает дорогими подарками всех друзей своего детства? – холодно спросил Тааур.

– Мы оба учились у Вианны Мудрой.

– Ну и что?

– Семья Гарроса подружилась со мной. К тому же их подарки, как бы щедры они ни были, не ложатся бременем на богатство лорда Артор-Симвоа, – сухо ответила Лайрэ.

Тааур уже открыл было рот, чтобы продолжить ее допрос, но вдруг понял, что в его словах звучит чересчур много ревности – а между тем эту девушку, он только буквально что узнал.

Только что?

Обнаженный, он лежал в ее постели. Ее руки не боялись прикасаться к нему. Она не покраснела и не отвернулась, когда покрывало сбилось и соскользнуло...

Как же поделикатнее узнать у девушки, кем она ему приходится – невестой, женой или возлюбленной?

Или, упаси Боже, сестрой! Вот опять – о каком боге он подумал сейчас?

Тааур поморщился.

– Тааур! Тебе больно?

– Нет. Скажи мне...

Тут голос его сник, и он запнулся.

– Между нами есть кровное родство?

– Нет, – без промедления ответила она.

– Слава... Небесам.

Лайрэ смотрела на него в недоумении.

– А что, Вианна – одна из тех, кого ты называешь Наде-ленными Силой? – спросил Тааур, переводя разговор на дру-

гое и отвлекая внимание Лайрэ.

– Да.

– Это племя или клан, или жреческий сан?

Сначала Лайрэ подумала, что Тааур шутит. Человек, которого нашли спящим под священной йиллайиной внутри священного хринга, сам должен быть одним из Повелевающих Силой!

Эта мысль подействовала на нее как бальзам. Кем бы когда-то ни был этот незнакомец, которого она нарекла Таауром, сейчас это был другой человек, отсеченный от прошлого как будто ударом секиры.

Нахмурившись, Лайрэ старалась найти слова, чтобы описать свои отношения с Вианной и Гарросом, и с теми немногими другими Наделенными, которых ей приходилось встречать. Она не хотела, чтобы Тааур смотрел на нее с суеверным предубеждением или страхом, как это порой случалось у простолюдинов.

– Многие Повелевающие связаны кровными узами, но не все, – медленно заговорила Лайрэ. – Это такое искусство... или если хочешь ремесло – как воинское. Но не все те, кто учиться владеть мечом становятся великими бойцами.

– Я понял. У некоторых всегда все получается лучше, чем у других. А немногие, очень немногие, умеют что-то делать намного лучше, чем все другие.

– Да, – сказала Лайрэ, обрадованная тем, что Тааур понял. – Те, кто не может научиться, называют тех, кто может,

проклятыми или благословенными. Обычно проклятыми.

Тааур криво усмехнулся.

– Но мы ни то ни другое, – продолжала она. – Просто мы такие, какими нас создали Боги. *Другие*.

– Верно. Мне кажется что мне уже приходилось встречать таких людей. Не таких, как все.

Лайрэ вспомнила лицо, на мгновение увиденное сквозь застилавшую сознание Тааура пелену забвения – огненно-рыжие волосы и глаза необычайно яркого синего цвета. Зеленая ткань платья. Зеленый цвет одеяний друидов.

Боги – милостивцы, а вдруг его послали сам Андол Андол, заклятый враг Гарроса и его продавшаяся Тьме жenuшка?!

Всматриваясь в глаза Тааура, Лайрэ пробовала представить себе, что они серые, но у нее ничего не выходило. Зеленые – может быть. Или синие. Или карие. Но не серые, нет.

Лайрэ глубоко вздохнула. Хорошо бы это не оказалось заблуждением.

– И где же ты встречал этих необычных людей? – спросила она. – Это были мужчины или женщины?

Тааур открыл рот, но сказать ничего не смог. Он болезненно сморщился при этом новом доказательстве того, что ничего не помнит.

– Я не знаю, – ответил Тааур без всякого выражения. – Знаю только, что встречал их. Или... думаю что встречал.

Лайрэ подошла к Таауру и коснулась пальцами его беспокойной правой руки.

– Ты помнишь, как их звали? – тихо спросила Лайрэ.

Ответом ей было молчание, за которым последовало проклятие.

Она уловила горькое разочарование Тааура и поднимающийся в нем гнев, но никаких лиц, имен – ничего, что могло бы вызвать воспоминания.

– Они были враги или друзья? – так же тихо спросила Лайрэ.

– И те и другие, – ответил он охрипшим голосом. – Но не... не совсем.

Ладонь Тааура сжалась в тяжелый кулак. Лайрэ попыталась мягко разжать его пальцы, заставить их расслабиться. Он резко выдернул руку и ударил себя в грудь.

– Небеса и Преисподняя! – прорычал он. – Как же надо прогневить богов, чтобы не помнить ни друга, ни врага? – Тише, гость, тише, – с нежностью сказала Лайрэ проводя ладонью по волосам и лицу Тааура, как делала в те долгие часы, что он был погружен в свой странный сон.

Первое прикосновение заставило Тааура вздрогнуть. Потом, заглянув во встревоженные золотые глаза Лайрэ, он со стоном разжал кулаки.

– Спи, Тааур.

– Нет, – решительно сказал он.

– Это нужно, чтобы ты поправился.

– Я не хочу больше в... темноту.

– И не надо бояться – я опять тебя выведу оттуда.

– Почему? – спросил он. – Кто я тебе?

Лайрэ не сразу ответила на такой прямой вопрос. Потом улыбнулась странной улыбкой, в которой смешались радость и печаль, когда, подобно отдаленным раскатам грома, у нее в ушах прозвучало пророчество Вианны.

Он явится тебе из теней темноты. И он явился.

Лайрэ не знала, мог ли ее безрассудный поступок изменить ход событий и вызвать потоки жизни и смерти. Она знала лишь одно, и знала это с такой непреклонностью с какой Конь-Солнце ведет по небосклону свой огненный путь.

– Будь что будет, – тихо произнесла Лайрэ про себя.

– Ты случайно не воительница? – вдруг спросил Тааур.

Чуть улыбнувшись, Лайрэ покачала головой.

– Я никогда не держала в руках клинка.

– Эльфам и не полагается размахивать мечами. У них есть другое оружие. («А с чего я это решил?» – мелькнуло в закоулке сознания)

– Но я же не эльф. То есть не сида...

Тааур с улыбкой провел рукой по всей длине распущенных волос Лайрэ.

– Как странно думать, что ты – обычный человек, – пробормотал он.

Лайрэ не стала говорить Таауру, что он неправильно ее понял, но ощутила что теперь в его прикосновении ощущалось что-то новое, чего не было раньше. Что-то, от чего по всему ее телу побежали тоненькие язычки сладкого, тайного

огня.

Неподдельная искренность, звучавшая в голосе и светившаяся в глазах Тааура, ощущалась ею и через его прикосновение. Он говорил то, что было для него просто истиной.

Рука Тааура скользнула глубоко в волосы Лайрэ, одновременно и лаская, и сковывая ее. От этого прикосновения тело ее пронизывали до сих пор не изведенные ощущения. Не успела она дать им названия, как оказалась распростертой у него на груди; его губы прильнули к ее губам, а язык проник к ней в рот.

Удивление пересилило все другие обуревавшие Лайрэ чувства. Инстинктивно она стала вырываться из крепких объятий Тааура.

Медленно и неохотно, он немного ослабил хватку – так, чтобы можно было говорить.

- Ты сказала, что я принадлежу тебе.
- Я хотела сказать... то есть...
- Что ты хотела сказать?
- Значит и я тебе.

* * *

...Правая рука Гарроса легла на рукоять меча, с которым он никогда не расставался.

- Как его зовут? – спросил он.
- Он не помнит.

– Что такое?

– Он не помнит никаких имен из прошлой жизни, даже своего собственного.

– Он просто хитрит, – возразил Гаррос. – Знает, что попал в руки к врагу, вот и...

– Нет, – перебила Лайрэ. – Он не знает даже, ульфхтанг он или гойделл, крепостной или лорд.

– Что же, он околдован?

Лайрэ покачала головой. Внезапное ощущение веса и блеска рассыпавшихся по плечам волос напомнило ей, что она еще не прибрала их как следует. Нетерпеливо потрянув головой, она убрала волосы под капюшон своего плаща.

– От него не исходит чувство опасности, – сказала Лайрэ.

– Что еще ты почувствовала?

– Храбрость. Силу. Честь. Великодушие. Брови Гарроса поползли кверху.

– Хватит! Или я могу подумать что перед нами какой-то светлый дух из свиты богов, – сухо промолвил он. – Вот неожиданность!

На щеках Лайрэ проступил румянец, когда она вспомнила, каким страстным желанием воспылал к ней Тааур; уж явно не дух! (Хотя как знать – дети Небес в древние – никто не помнит когда – времена ведь сходились со смертными... Но тогда все было другим...)

– Еще смятение, и боль, и страх, – твердо сказала она.

– А, так он все-таки человек. Какое разочарование! – он

откровенно смеялся. А я то уже надеялся получить в свою дружину настоящего Сына Тьмы!

– Гаррос, – вскричала она. Если уж кто и есть сын Тьмы – так это ты!

Он усмехнулся.

– Благодарю, Лайрэ. Приятно, когда тебя по-настоящему ценят.

Лайрэ тоже невольно засмеялась.

– Что еще? – спросил он.

Ее радость вмиг угасла.

– Ничего.

– Как это ничего?

– Ничего, и все.

– Что он делает в Седых Землях? – отрывисто спросил Гаррос.

– Он не помнит.

– Куда он направлялся?

– Он не знает, – ответила Лайрэ.

– Он под присягой у какого-то лорда или же вольный ландскнехт?

– Он не знает.

– О, Небо! – прошипел Гаррос. – Он что, слабоумный?

– Нет! Просто он ничего не помнит.

– Когда ты его спрашивала, ты прикасалась к нему? Лайрэ набрала полную грудь воздуха и коротко кивнула.

– И что ты чувствовала? – настойчиво продолжал расспра-

шивать Гаррос.

– Когда он пытается вспомнить, получается какой-то хаос. Если не отступает, то видит ослепляющий свет и чувствует резкую боль... Будто удар молнии.

Сузившиеся глаза Гарроса стали похожи на прорези боевого шлема.

– Что с тобой? – спросил он через минуту. – Раньше ты никогда не говорила так неуверенно.

– Раньше и ты никогда не привозил мне человека, найденного в беспомощности внутри хринга, – ответила она.

– Ты жалуешься? Лайрэ вздохнула.

– Прости. Я очень мало спала с тех пор, как ты привез его. Очень трудно было выводить его из мрака.

– Да. Я вижу это по темным кругам у тебя под глазами.

Она слабо улыбнулась в ответ.

– Лайрэ, скажи. Друг он или враг?

Это был как раз тот прямой вопрос, которого она все время боялась.

– Друг, – прошептала она. Потом честность побудила ее добавить: – Пока к нему не вернется память по крайней мере. Тогда он станет тем, чем был до того, как ты привез его ко мне. Либо другом, либо врагом, либо вольным наемником, еще не присягнувшим никакому лорду.

– И это все, что ты смогла узнать о нем? А ведь если память вернется к нему, он, возможно, не будет считать себя нашим другом.

– Только он сам может это сказать, – отрезала Лайрэ.

– Если память к нему вернется...

– Так может вернуться к нему память? – спросил Гаррос.

– Я не знаю.

– Тогда... хотя бы угадай, – коротко приказал он.

У Лайрэ все похолодело внутри. Ей не хотелось и думать о том, что будет, если к Таауру вернется память. Если окажется, что он и враг, а она его любит...

Это разобьет ей сердце.

Не больше ей хотелось думать и о том, что будет с Таауром, если память к нему не вернется. Он станет беспокойным, грубым, обезумевшим от оставшихся забытыми имен и неисполненных священных обетов, станет считать себя клятвopеступником.

И это разобьет ему сердце.

Лайрэ стало трудно дышать. Такого бесчестия и таких мук она и врагу не пожелает, а не то что человеку, который покорила ее одним прикосновением, одной улыбкой, одним поцелуем.

– Я... – начала она, но тут голос ей изменил.

Гаррос молча вздохнул, обдумывая услышанное. Неотвязное ощущение беспокойства пронизывало его мысли. Что-то тут было не так. Он знал это.

Он не знал лишь, что именно.

– Я не знаю, – сказала она прерывающимся голосом. – Но я вижу... Может случится столько зла! И так мало добра...

И если мы ошибемся то... То смерть...

«Смерть беспощадной лавиной рухнет...»-знаю! Может, будет лучше, если я возьму незнакомца к себе, в Геортен, – задумчиво произнес Гаррос.

– Нет.

– Почему нет?

– Он носит священный ильяр. Он *мой*. Уверенность, прозвучавшая в голосе Лайрэ, удивила и встревожила Гарроса.

– А что если память вернется к нему? – спросил он.

– Значит, так тому и быть.

– Ты можешь оказаться в опасности.

– На все воля Небес и Подземелья.

– Тебя не понять, – сказал он наконец. – Я пришлю за ним дружинника, как только мы возвратимся с охоты.

Лайрэ непокорно вскинула голову.

– Как тебе будет угодно, господин.

– Проклятье! Демон в тебя вселился, что ли? Я же только хочу узнать о человеке, у которого даже и имени нет.

– У него есть имя.

– А мне ты сказала, что он не помнит, как его зовут.

– Он и не помнит, – ответила Лайрэ. – Имя дала ему я.

– Как его теперь зовут?

– Тааур.

Гаррос открыл рот, потом вернул челюсть на место.

– Объясни, – потребовал он.

– Надо же было как-то его называть. «Пришедший из Без-

молвия» ему подходит.

– Тааур, – повторил Гаррос ничего не выражающим тоном.

– Да.

Лайрэ прикрыла глаза и неслышно вздохнула с облегчением: Гаррос больше не заговорил о незнакомце, которого она нарекла Таауром.

– Вианна придет к тебе к ужину, – продолжал Гаррос. – И я тоже. Лайрэ вдруг обнаружила, что смотрит в холодные, топазовые глаза волка, живущего внутри у друга ее детских лет. Она вздернула подбородок и уставилась на Гарроса прищуренными глазами, взгляд которых был так же холоден, как и его.

– Да, господин.

Ухмылка Гарроса сверкнула над темно – рыжими усами.

– У тебя еще осталась копченая медвежатина, которую прислал мельник?

Она кивнула.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Я буду жутко голоден.

– Ты всегда голоден, – улыбнулась Лайрэ.

Смеясь, Гаррос заставил сокола пересесть к нему на запястье, чуть тронул шпорами свою лошадь и поскакал в чашу.

Лайрэ смотрела ему вслед, пока он не исчез и смотреть стало не на что, кроме каменистого склона. Лайрэ наклонила голову и прислушалась, но не уловила топота копыт прибли-

жающейся лошади. В отличие от Гарроса, Вианна дождется окончания охоты, чтобы поговорить с ней.

Успокоившись, Лайрэ вошла в дом и тихонько притворила за собой дверь. Так же бесшумно она заложила проем толстым деревянным брусом. Теперь, пока она не вынет брус, никто не сможет к ней войти, разве что прорубит дверь топором.

– Тааур? – тихо окликнула Лайрэ. Ответа не было.

Страх ледяными щупальцами сжал ее внутренности. Она подбежала к кровати и отдернула занавес.

Тааур лежал на боку – тело расслаблено, глаза закрыты. Лайрэ протянула руку и коснулась его лба. От облегчения ее задержанное дыхание с шумом вырвалось из груди. Он спал глубоким, но естественным сном.

Тааур пошевелился, но не отстранился. Напротив, он потянулся к ней, к ее прикосновению. Его рука нащупала ее руку и крепко ухватилась за нее. Когда она хотела отнять руку, его пальцы сжались еще крепче. Она почувствовала, что он просыпается.

– Нет, – прошептала она, глядя свободной рукой Тааура по щеке. – Спи, Тааур. Выздоровливай.

Он опять погрузился в сон, но руки Лайрэ из своей не выпустил. Она сбросила башмачки и села на край ложа, борясь с усталостью, которую гнала от себя все эти долгие дни и ночи с того часа, как нагое тело Тааура оказалось у нее на пороге.

Но спать ей было еще нельзя. Следует все обдумать, найти ту единственную нить в запутанном переплетении судьбы, которая приведет к богатым всходам на ниве жизни, а не к безвременной гибели.

Так много зависит от проклятого пророчества.

Да. Пророчество. Надо сделать так, чтобы другие его слова не сбылись. Боюсь, что свое сердце я уже отдала, но тело и душу еще нет.

Наконец усталость одолела Лайрэ. Глаза ее закрылись, она качнулась вперед и уснула прежде, чем голова ее коснулась подушки. Почувствовав рядом с собой вес ее тела, Тааур наполовину проснулся, придвинул ее ближе к себе и вновь погружился в целительный сон.

Заклученная в объятия тех самых рук, которые были для нее запретны, Лайрэ спала самым спокойным и безмятежным сном в своей жизни.

Она проснулась лишь тогда, когда в сумерках послышалась мелодия волчьей песни. Первым ее ощущением было ощущение удивительного покоя. Вторым – ощущение тепла, словно спину ей грело солнце. Третьим – ощущение того, что она лежит в изгибах обнаженного тела Тааура, как в колыбели, а одна ее грудь в чаше его правой ладони.

Ее вдруг обдало каким-то странным жаром. Потом от прилива крови у нее запылали щеки. Она попробовала выскользнуть из объятий Тааура. Он сонно вздохнул и крепче сжал руку. У нее перехватило дыхание от тех ощущений, ко-

которые побежали от груди по всему телу.

Волк завыл опять, сзывая родню на вечернюю охоту.

Со всей быстротой, на какую осмелилась, Лайрэ выскользнула из постели. Увидев, что Тааур вот-вот опять проснется, она убаюкала его легкими пассами и заклинаниями – и тот снова затих.

Облегченно вздохнув, Лайрэ отошла от кровати. Ей надо быть одной, когда она будет разговаривать с Гарросом и Вианной. Лайрэ накинула на плечи плащ из зеленой шерсти и застегнула его большой серебряной брошью в виде лунного серпика. Поверхность бибулы была покрыта древними письменами, что придавало чеканному серебру некое загадочное очарование. Когда она сняла запиравший дверь засов и вышла в сгущавшиеся сумерки, ее брошь заблестела так, будто впитывала в себя свет, чтобы светиться с наступлением ночи.

Едва Лайрэ успела закрыть за собой двери усадьбы, как на ведущей из леса тропинке показалась Вианна. Она шла пешком и была в своих обычных одеждах синего цвета, расшитых пурпурными и зелеными нитями, но в сумерках все цвета казались почти черными.

Ее седые волосы были заплетены в косы и стянуты обручем из сплетенных серебряных нитей. Длинные рукава платья чуть не волочились по земле.

Как и у Лайрэ, у Вианны тоже не было никаких родственников, но, несмотря на это, весь ее вид говорил о том, что

она – высокородная леди. Вианна, которая растила девочку так, как если бы та была ей родная. Однако сейчас Вианна не выказала желаний обнять свое приемное дитя. Она пришла к Лайрэ скорее как прорицательница, чем как подруга и наставница.

Мурашки беспокойства пробежали по коже Лайрэ.

– А где Гаррос? – спросила она, бросая взгляд за спину Вианны.

– Я сказала, что хочу немного побыть с тобой наедине. Ибо желаю знать, много ли тебе удалось узнать о том человеке, которого Гаррос нашел спящим в Священном Круге, – мягко произнесла Вианна.

Умолкнув, она пристально смотрела на Лайрэ пронизательными серыми глазами. Лайрэ с трудом сохранила внешнее спокойствие и не начала бормотать первое, что пришло ей на ум. Временами молчание Вианны действовало на людей столь же устрашающе, как и ее пророчества.

– Он не просыпался с самого утра, – сказала Лайрэ, – а утром проснулся лишь на несколько мгновений.

– Какие были его первые слова при пробуждении? Хмурясь, Лайрэ стала вспоминать.

– Он спросил меня, кто я такая, – ответила она через минуту.

– На каком языке?

– На нашем.

– С акцентом? – спросила Вианна – как о чем-то очень

важном.

– Нет.

Лайрэ чувствовала себя так, словно у нее спрашивают урок. А она не знает, что было задано, не знает ответов на вопросы и к тому же боится отвечать правильно.

– Он спросил, не пленник ли он, – сказала Лайрэ чуть погодя.

– Вот как? Довольно странный вопрос, если он друг.

– Нисколько, – возразила Лайрэ. – Гаррос привязал его за руки и за ноги к моей кровати.

– Мм-м, – только и послышалось в ответ от Вианны.

Лайрэ не стала больше говорить ничего.

– Ты немногословна, – промолвила Вианна.

– Я следую тому, чему меня учила ты, Повелевающая Силой, – бесстрастно ответила Лайрэ.

– Почему же тогда ты держишься со мной, будто чужая?

– А почему ты допрашиваешь меня, будто чужака, схваченного в стенах замка?

Вианна вздохнула...

Что-то прошептала.

До обострившегося вдруг слуха Лайрэ донеслось разнородное и невнятное

Один из первых... хринг... дверь в То место.....Он, Который Придет... брешь в стене... несчастный мир...

Когда Вианна повернулась и медленными шагами пошла туда, где на лугу невдалеке за усадьбой собралось озерцо

лунного света, Лайрэ пошла с ней рядом.

– Расскажи мне о том, для кого ты выбрала имя Тааур, – сказала Вианна.

Слова были мягкими, словно сумерки, но содержавшееся в них приказание отнюдь не казалось мягким.

– Кем бы он ни был до того, как оказался в Священном Круге, – произнесла Лайрэ, – он ничего об этом не знает.

– А ты?

– Я видела отметины сражений у него на теле.

– Он воин?

– Да, – прошептала Лайрэ.

– Как ты можешь быть настолько уверена в нем? Священному человеку мало что остается, кроме как попытаться освободиться от пут либо силой, либо хитростью.

– Я перерезала веревки.

Вианна судорожно вздохнула.

– Зачем ты это сделала? – спросила она напряженным голосом.

– Я знала, что он не желает мне зла.

– Как ты это узнала? – Едва задав вопрос, Вианна уже испугалась ответа.

– Как обычно. Я прикоснулась к нему. Вианна стояла, сцепив руки и покачиваясь, словно ива на ветру.

– Когда он появился у тебя, – неровным голосом продолжала Вианна, – ночь уже наступила?

– Да, – ответила Лайрэ.

Он явится тебе из теней темноты.

– Ты в своем уме? – В голосе Вианны слышался неподдельный ужас. – Разве ты забыла?.

– Гаррос велел мне прикоснуться к незнакомцу.

– Тебе следовало отказаться.

– Я и отказалась сначала. Но Гаррос сказал, что у всякого взрослого человека есть имя. Значит, пророчество не...

– Не учи ворона каркать! – гневно перебила Вианна. – Когда этот человек проснулся, он знал, как его зовут?

– Нет, но в любую минуту все могло перемениться.

– Клянусь светлой улыбкой Богини, я вырастила безрассудную дурочку!

Лайрэ хотела оправдаться, но ничего не приходило ей на ум. Оказавшись на расстоянии от Тааура, она сама ужаснулась безрассудству своего поступка.

Обе женщины разом повернулись – в нескольких шагах от них стоял Гаррос.

– Ну, ты доволен своей находкой? – едко спросила его Вианна.

– Доброго вечера и тебе тоже, – сказал в ответ Гаррос. – И что же я сделал такого, чтобы заслужить столь гневный упрек одной из Повелевающих Силой?

– Лайрэ встретила к человека без имени, который явился из теней темноты. Вернее сказать, был принесен к ней на порог молодым лордом, у которого ума не больше, чем воды в камне!

– А что я, по-твоему, должен был сделать? – спросил Гаррос. – Выпотрошить его, как лосося для засолки?

– Ты мог бы подождать, пока я...

– Не ты правишь это землей, госпожа моя, – холодно перебил ее Гаррос. – Здесь хозяин – я.

– Это так, – сказала Вианна со слабой улыбкой. Гаррос шумно выдохнул. – Но не забывай – я еще и хозяйка хринга.

– Я чту твою мудрость, Вианна... Раз уж сделано то, что сделано, что ты предлагаешь теперь?

– Попробовать повлиять на события так, чтобы они вели к жизни, а не к смерти, – отрывисто сказала Вианна.

Гаррос пожал плечами.

– Смерть всегда следует за жизнью. Такова уж природа жизни. И смерти.

– А природа моих пророчеств такова, что они сбываются.

– Так или иначе, требования пророчества не выполнены, – сказал Гаррос.

– Он явился ей из...

– Да, да, – нетерпеливо перебил Гаррос. – Но ведь она не отдала ему свое сердце, душу и тело!

– Не могу сказать про душу и тело, – возразила Вианна, – но сердце ее уже принадлежит ему.

Гаррос бросил на Лайрэ удивленный взгляд.

– Это правда?

– Я лучше кого бы то ни было понимаю все три условия – пророчества, – сказала Лайрэ. – Все три остаются невыпол-

ненными.

– Может, и надо его выпотрошить, как лосося, – пробурчал Гаррос.

– Смотри, как бы ты при этом и себя не выпотрошил. – Вид у Лайрэ при этих словах был невозмутимый, хотя в душе никакого спокойствия она не ощущала.

– Как это так?

– У пророчества если ты забыл две стороны... Впрочем – тебе лучше думать не о пророчествах, а о земле которой – смешок – ты и в самом деле правишь...

– Тебе надо быть на севере, оборонять Зигианд от орков. Но если тебя здесь не будет, то замок Геортен захватят твои дядья.

Гаррос посмотрел на Вианну.

– Тебе без всяких прорицательниц хорошо известны притязания твоих родичей, – сухо произнесла Вианна. – Они были так уверены, что леди Канна умрет, не зачав Артор-Симвоу наследника, что уже начали драться между собой за то, кому достанется Фиирн, Зигианд и все остальные владения короля.

Гаррос молча посмотрел на Лайрэ.

– Тааур думает о себе как о могучем воине, – сказала ему Лайрэ. – Он мог бы сослужить тебе немалую службу.

Она взглянула на Гарроса из-под полуопущенных ресниц, стараясь понять, действительно ли он слушает, или просто делает вид. Узнать это она могла бы, только прикоснувшись

к нему. В зеленоватом свете Луны его глаза по-волчьи светились.

– Продолжай, – сказал ей Гаррос.

– Дай ему время поправиться. Если память к нему не вернется, он присягнет тебе.

– Значит, ты думаешь, что Темный это всего лишь обычный наемник, и хочет поступить на службу к какому-нибудь могущественному лорду?

– Он был бы не первым, ищущим твоего покровительства.

– Что верно, то верно, – пробормотал Гаррос. Вианна хотела было опять возразить, но Гаррос остановил ее.

– Я дам тебе две недели, а сам за это время постараюсь что-нибудь узнать о его прошлом, – сказал Гаррос, обращаясь к Лайрэ. – Но только если ты мне ответишь на один вопрос.

Лайрэ затаила дыхание.

– Почему тебя так заботит, что случится с этим человеком, которого ты зовешь Таауром?

Спокойствие, с которым были произнесены эти слова, никак не вязались с напряженным взглядом Гарросовых глаз.

– Когда я дотронулась до Тааура... – начала Лайрэ, но продолжать не смогла.

Гаррос молча ждал.

Лайрэ стиснула руки, засунутые в длинные рукава платья, и стала лихорадочно думать, как сказать Гарросу, что у него в руках, быть может, один из самых искусных воинов, ко-

гда-либо рожденных смертной женщиной.

– У Тааура нет совсем никаких воспоминаний, – медленно заговорила Лайрэ, – однако я готова поклясться своей душой, что он – великий воин. Считаю и тебя, Гаррос, кого люди называют Колдуном.

Вианна и Гаррос обменялись долгим взглядом.

– Если Тааур будет на твоей стороне, ты сможешь оберечь земли лорда Артор-Симвоа от орков, ульфхтангов и всех своих родичей вместе взятых, – сказала Лайрэ без всякого выражения в голосе.

Воцарилось молчание, пока Вианна и Гаррос обдумывали то, что сказала Лайрэ.

Вианна даже не улыбнулась.

– А ты уверена, что память к Таауру не вернется?

– Нет, не уверена, – ответила Лайрэ.

– Что же будет, если это случится? – спросила Вианна.

– Он окажется либо другом, либо врагом. Если он друг, то у Гарроса будет мелит с неопределимыми достоинствами. Разве ради этого не стоит пойти на риск?

– А если он враг? – спросил Гаррос.

– Тогда на твоей совести, по крайней мере, не будет трусливого убийства человека не причинившего тебе зла...

Гаррос повернулся к Вианне.

– Что скажешь ты, госпожа моя?

– Мне это не нравится.

– Почему?

– Из-за пророчества, – резко ответила она.

– Что же я, по-твоему, должен сделать?

– Отвезти его подальше на Седые Земли и оставить там нагого – пускай сам спасается, как может.

– Нет! – воскликнула Лайрэ не раздумывая.

– Почему нет? – спросила Вианна.

– Он принадлежит мне.

Ярость, прозвучавшая в голосе Лайрэ, ошеломила остальных. Гаррос искоса взглянул на Вианну. Та смотрела на Лайрэ так, будто видела ее впервые.

– Скажи мне, – осторожно заговорила Вианна. – Когда ты прикоснулась к нему, на что это было похоже?

– На восход солнца, – прошептала Лайрэ.

– На что?

– Это было как восход солнца после ночи – долгой, как само время.

Вианна закрыла глаза и прошептала молитву ко всем богам которых вспомнила.

– Я должна просить совета у... Камней, – сказала она.

Лайрэ с облегчением вздохнула и перевела на Гарроса зацветившиеся надеждой глаза.

– Я буду ждать две недели, но не больше, – заявил Гаррос. – Если за это время окажется, что твой Тааур враг мне, то...

– То что? – шепотом спросила она. Гаррос пожал плечами.

– Я поступлю с ним так, как поступил бы с любым другим

разбойником или бродягой, шныряющим по моим владениям. Повешу его там, где нашел.

* * *

Лайрэ невзначай уронила золотое запястье. Тааур резко повернулся и его правая рука метнулась к левому боку – пальцы схватились за несуществующее оружие.

– Ты похож на лорда, – сказала Лайрэ, любуясь им.

– У лорда был бы меч, – нервно похлопал он себя по поясу. А у меня не было...

– Ты знаешь много лордов?

Он надолго замолчал.

– Нет... Но... мне так кажется...

Лайрэ улыбнулась, несмотря на страх, который неотступно преследовал ее после разговора с Гарросом.

– Но лорды ведь не всегда ходят с мечом... – мягко пояснила она. Вряд ли они берут его, например, в отхожее место...

– Да – верно, – задумчиво произнес он. Тем более там его можно невзначай уронить в дерьмо.

– Вовсе не поэтому – тем более сейчас у многих лордов в этих местах все устроено так что вода уносит нечистоты по трубам.

Тааур замер, недоуменно просмотрев на ней.

– Это как? – недоуменно спросил он.

Лайрэ подумала что пожалуй кем бы он ни был – он настоящий варвар – раз не слышал о канализации и водопроводе. Пусть в Седых землях это есть мало у кого – но даже Лайрэ в своем захолустье про такое знает. Может он из земель орков? Там же есть люди – целые деревни. Или вообще с каких-то диких островов?

– Ну не знаю как тебе толком объяснить... Я сама не видела... Но на юге – в Королевствах или в Ширваре в уборные подведены трубы и течет вода. Но почему это тебя удивляет? Разве так важно как устроен сортир – все равно в него испражняются?

Какое-то время Тааур молчал. Потом нахмурился, как будто тщетно пытаюсь найти что-то в памяти.

– Может ты и права... Дерьмо конечно дерьмо и есть. Только я все время чувствую, что... Мне показалось...

Лайрэ ждала, что он скажет дальше, и сердце было готово выскочить у нее из груди.

Со сдавленным проклятием Тааур оставил попытки ухватить какое-то из неясных воспоминаний, которые дразня манили его, но стоило ему приблизиться, как они тут же ускользали.

– Что-то здесь не так, – решительно произнес он. – Я здесь не на месте. Знаю это так же твердо, как и то, что дышу.

– Прошло всего несколько дней, как ты проснулся. Для полного выздоровления нужно время.

– Время! Время! Клянусь всеми богами, у меня нет вре-

мении слоняться без дела, словно слуга, который ждет, когда его господин проспится после бурной ночи. Я должен...

Он ударил кулаком по ладони и отвернулся от Лайрэ. Хотя он больше ничего не сказал, его напряжение ощущалось на расстоянии, как ощущается тепло от огня в очаге.

Когда Лайрэ подошла и остановилась рядом с ним, ноздри его расширились, уловив аромат ее юной свежести.

– Успокойся, Тааур.

Теплая, нежная рука ласково погладила его сжатый кулак. От неожиданности он вздрогнул. Ведь она упорно избегала прикасаться к нему после того, как он сорвал у нее тот единственный, жадный поцелуй. Сам он тоже старательно следил за тем, чтобы не дотронуться до нее опять.

Тааур говорил себе, что ему следует остерегаться, потому что он не знает, кем была ему Лайрэ в прошлом или кем будет в будущем. Очень может быть, что они – пара влюбленных, которых разделяют ранее данные обеты.

Однако, едва почувствовав сладость мимолетной ласки Лайрэ, Тааур понял, почему с того раза больше не прикасался к ней. Она всколыхнула в нем такой прилив страсти и томительного влечения, какого он никогда еще не испытывал ни с одной женщиной.

Удивление, которое Тааур испытывал всякий раз, когда понимал, какой глубокий отклик вызывает Лайрэ во всем его существе, убедило его окончательно в том, что он никогда еще не питал такой страсти к женщине. Точно так же, как

его привычка то и дело хвататься за пояс доказывала, что в позабытом прошлом меч висел у него на боку.

Лайрэ кое-где подтянула что-то, заправила выбившуюся складку материи и отдала ему красивый плащ цвета индиго, который принесла под дождем из замка.

– Это тебе, – сказала она.

Тааур посмотрел сверху вниз в эти золотистые, глаза, которые следили за ним с таким нескрываемым желанием успокоить.

– Ты очень добра к чужаку, у которого нет ни имени, ни прошлого, – задумчиво сказал он.

– Мы уже много раз об этом говорили и ни до чего не договорились. Или... ты вспомнил что-то еще?

– Не так, как ты думаешь. Я не вспомнил ни имен, ни лиц, ни дел, ни обетов. Однако я чувствую... чувствую, что мне уготовано что-то великое, но и опасное. Оно где-то здесь, близко; кажется, еще чуть-чуть, и оно у меня в руках.

Тонкая рука Лайрэ вновь опустилась на запястье Тааура. Она не уловила никаких воспоминаний о его прошлом, никакого сгущения туманных намеков на воспоминания, которые кружились, и таяли, и нарождались вновь, дразня и намекая. Все было по-прежнему.

Влечение к ней, пронизывающее все существо Тааура столь же глубоко, как тени его потерянной памяти.

От того, что она ощутила желание любимого, по телу Лайрэ начал разливаться какой-то странный жар. Словно неви-

димый огонь поселился у нее в животе, внизу, почти что там, и ждет лишь дуновения страсти Тааура, чтобы вспыхнуть ярким пламенем.

Лайрэ говорила себе, что надо убрать руку и больше не приближаться к Таауру, однако рука оставалась там, где была, прикасаясь к нему. И это прикосновение было для нее как сладкий, неуловимый дурман. Ей бы испугаться той радости, которую она испытывала, упиваясь им, но она лишь позволяла ему завлекать себя все глубже и глубже.

Старая мудрость гласит что сама жизнь таит в себе и величие, и опасность, – тихо сказала Лайрэ.

– Правда? Я не помню.

Тааур взглянул на склоненную голову девушки, которая ничем не заслужила его гнева и очень многим – его благодарности. Легкая дрожь прошла по ее телу.

– Не бойся... Я не причиню тебе зла.

– Я знаю.

Уверенность, прозвучавшая в голосе Лайрэ, отражалась и у нее в глазах. Таауру было так приятно это доверие, что он забыл спросить, почему она так уверена в нем. Он поднес ее руку к губам, чтобы поцеловать.

– Тааур, – прошептала Лайрэ, – я...

Голос ее замер, потому что всю ее пронзила сладостная дрожь... Знать всю силу страсти, которую он к ней питает, и одновременно ощущать нежность его поцелуев – это было все равно что оказаться охваченной ласковым, всепоглоща-

ющим пламенем.

Тааур поднял голову и заглянул в затуманенные золотистые глаза этой девушки, которая была для него такой же тайной, как и собственное его прошлое.

Может, мы были возлюбленными в той жизни, которую я не помню? И ты зачем-то скрываешь правду?

– Я никогда не была ничьей... возлюбленной, – ответила она дрожащим от напряжения голосом!

– Мне трудно в это поверить.

– И все же это так.

– Проклятье! – прошипел Тааур сквозь зубы. – Я не верю! Нас слишком сильно тянет друг к другу. Ты что-то знаешь о моем прошлом, но не хочешь сказать мне!

Лайрэ покачала головой.

– Я тебе не верю, – повторил он.

Она снова повернулась к Таауру.

– Хорошо. Вот тебе правда, – произнесла Лайрэ. – До того как ты оказался в Седых Землях, ты был принцем.

Тааур был так поражен, что был не в силах вымолвить ни слова.

– Ты был прасолом⁵, – продолжала Лайрэ.

– Что это такое? – поднял он брови.

– Ты был шпионом, – сказала она. Ошеломленный Тааур мог только смотреть на нее.

– Ты был пиратом, – не останавливалась Лайрэ. – Ты был

⁵ Прасол – странствующий приказчик, скупщик товаров у крестьян.

друидом. Ты был лордом. Ты был...

– Хватит, – свирепо прорычал Тааур.

– Ну как? – резко спросила она.

– Что как?

– Что-то одно из всего этого должно быть правдой.

– Неужели?

Лайрэ пожала плечами.

– Ну а кем еще я мог быть?

– Рабом, матросом, ювелиром, лекарем, пастухом, грузчиком... – насмешливо изложила она. Нет – у рабов есть клейма... А для грузчика ты недостаточно туп, хотя я уже начинаю в этом сомневаться.

Неожиданно Тааур рассмеялся. Лайрэ улыбнулась против своей воли.

– Вот видишь? Сказать можно все что угодно, но это не значит знать. Это должен сделать только ты сам. За тебя никто этого не сделает.

Тааур перестал смеяться. Несколько мгновений он не говорил ни слова.

Искушение прикоснуться к нему и узнать, что он чувствует, оказалось сильнее, чем решимость Лайрэ. Она сопротивлялась как могла этому жадному желанию.

И была побеждена.

Кончиками пальцев она легонько провела заросшей щеке Тааура.

Ощутила тень чего-то... Ощущение потери – такой

огромной, что описать ее невозможно, ее можно лишь чувствовать, словно дрожащий в воздухе отзвук дальней грозы.

– Тааур, – с болью в голосе прошептала Лайрэ. – Мой воин.

Он следил за ней напряженным взглядом остановившихся глаз – глаз попавшего в капкан волка.

– Схватка с самим собой только ранит тебя еще больше, – сказала она. – Дай себе привыкнуть к той жизни, которая у тебя теперь.

– Разве это возможно? – хрипло спросил Тааур. – Что станет с той жизнью, которую я оставил *там*? Что, если меня ожидает лорд, которому я присягал в верности? Старая мать, что проплакала все глаза о пропавшем сыне? Что, если меня ждет жена? Дети, по ночам зовущие отца? Замок. Кровники... Войско которое без меня будет разбито. Королевство, которое погибнет если войско будет разбито...

Ощущение боли было таким острым, что у Лайрэ запнулось сердце. Мысль о том, что Тааур может быть связан нерушимой священной клятвой данной другой женщине, была ей как нож в сердце. Она и не подозревала, насколько силен был этот страх, пока его не прогнала невыразимая словами уверенность, лежавшая под ускользающей памятью Тааура.

О небеса! – Сделайте так, чтобы память к нему не вернулась. Чем больше он вспоминает, тем больше я боюсь.

Враг, а не друг.

Возлюбленный.

Тааур пришел ко мне из теней темноты. В тенях темноты он должен и оставаться.

Или погибнуть.

И эта мысль была ей еще более невыносима, чем живой Тааур, связанный обетом с другой.

Последние дни она избегала всяких разговоров о прошлом Тааура. И память к нему не вернулась, хотя прошло уже девять дней, как он проснулся.

– Я боялась, – сказала она вдруг.

– Боялась отпускать меня одного? Я ведь не сосулька – не растаю от солнца.

– Врагов, – сказала она первое что пришло на ум.

– Кого? – быстро спросил он.

– Седые Земли, они и есть... Седые. Безземельные воины, честолюбивые воины, младшие сыновья, вторые и третьи сыновья, лишённые наследства сыновья, орки и просто разбойники. Все они бродят тут в поисках добычи.

– Однако ты ходила одна в замок, а за одеждой для меня, разве не так?

Лайрэ пожала плечами.

– За себя я не боюсь. Ни один человек не посмеет меня тронуть.

Тааур недоверчиво смотрел на нее.

– Это правда, – сказала она. – Но всем Седым Землям известно, что Гаррос повесит того, кто прикоснется ко мне.

Тааур вполголоса выругался на языке, которого Лайрэ не

знала – но по выражению лица и интонации поняла что это именно брань.

– Что это значит? – спросила она с любопытством.

– Тебе незачем этого знать. Да я и сам не помню...

– Ну что ж. – Она вздохнула. – Я просто хотела подождать, пока ты окончательно оправишься от всех бед.

– От всех? – переспросил Тааур.

– Почти от всех, – колко ответила Лайрэ. – У нас есть поговорка – если ждать, пока исчезнут все неприятности, то проще сразу завернуться в саван и отправится на кладбище.

Тааур сверкнул на нее своими карими глазами.

– У нас говорят – легче сразу в гроб, – бросил он.

– Не знаю в какой земле такая поговорка, – пожалала она плечами.

– Прости меня, – сказал он немного погодя. – Нелегко смириться с тем, что я потерял память о прошлом. Но чтобы прошлое мешало моему настоящему и будущему – снести такое я уж никак не могу.

– Здесь у тебя есть будущее – если захочешь, – заметила Лайрэ.

– Наемным мечом у твоего лорда? Она кивнула.

– Ты великодушна что и говорить...

– Не я. Гаррос. Он хозяин в этих местах. Тааур нахмурился. Он еще не видел молодого лорда, но сомневался, что поладит с ним. Привязанность Лайрэ к Гарросу сильно мешала его душевному спокойствию.

Тааур подождал, прислушиваясь к себе, будто пробуя языком больной зуб.

Осторожно. Настойчиво.

Ничего не случилось. Совсем ничего.

Не возникло ни ощущения правильности, ни ощущения неправильности, как в тот момент, когда он заметил, что у него нет меча; была лишь уверенность, что никогда еще он не испытывал такого сильного чувства к женщине.

– Тааур? – тихо окликнула его Лайрэ. Он мигнул и очнулся от своих мыслей.

– Не думаю, что мне понравилась бы такая жизнь...

– Чего же ты хочешь тогда?

– Того, что потерял.

– О воин, пришедший из Безмолвия... – прошептала она. – Перестань думать о прошлом.

Лайрэ повернулась к своему спутнику и легонько прикоснулась к его руке.

– А кроме прошлого, чего ты больше всего хочешь? – тихо спросила она.

Ответ не заставил себя ждать.

– Тебя.

Лайрэ замерла. Радость и страх боролись в ней, сотрясая ее.

– Но этого не будет, – ровным голосом продолжал Тааур. – Я не возьму девушку, не зная, какой обет мог дать другой.

– Я не верю, что ты связан с другой женщиной.

– И я не верю. Но... я не знаю, – простонал он. – Не знаю!

Но он это знал. Всего одно мгновение. Лайрэ ощутила это так же безошибочно, как ощущала жар его тела.

На какой-то миг тени потеряли часть своей силы. Несколько ярких звезд сверкнуло сквозь мрак ночи, окружающей прошлое Тааура.

– Почему я не могу вспомнить? – резко спросил он.

– Оставь это, успокойся. Тени нельзя победить, можно лишь проскользнуть между ними.

Еще раньше, чем Тааур сам это ощутил, она уловила, что напряжение покидает его. Высвободив свою руку из его руки, она грустно улыбнулась и открыла дверь. Но переступить порог не успела – Тааур притянул ее обратно.

Лайрэ в испуге повернулась к нему. Его жесткая рука с удивительной нежностью взяла ее за подбородок. Она на миг закрыла глаза, упиваясь сладкой негой, потоком хлынувшей в нее от прикосновения Тааура. Его забота о ней была словно весенние лучи солнца, которые греют не обжигая.

А страсть текла где-то совсем рядом, словно бурный поток огня.

– Я не хотел опечалить тебя, – сказал Тааур.

– Знаю, – прошептала она, открыв глаза. Тааур стоял так близко, что Лайрэ различала отсвет солнца что излучали его карие глаза.

– Тогда почему же у тебя на ресницах слезинки? – спросил он.

– Мне страшно за тебя, за себя, за нас.

– Оттого что я не могу вспомнить прошлое?

– Нет. Оттого что ты можешь его вспомнить. Он резко втянул в себя воздух.

– Почему? Что в этом может быть плохого?

Тааур нагнулся так, что его губы почти касались губ Лайрэ. Когда она попробовала отстраниться, его рука крепче сжала ее подбородок, а другая скользнула ей за спину.

– Всего один поцелуй. Большого я не прошу. Подари один поцелуй человеку; которого ты вывела из тьмы.

Тело Лайрэ напряглось, но ей не под силу было сопротивляться искушению его страсти и ее собственной.

– Мы не должны, – прошептала она.

– Да, – тоже шепотом ответил он и улыбнулся.

– Это опасно....

– Тааур...

– Да. Вот так.

На этот раз Лайрэ не испугалась, когда почувствовала живое тепло его языка, скользнувшего к ней в рот, но поразила его сдержанности. Она ощущала бушующую в нем страсть – словно бурное море, волны которого разбиваются о берег его воли.

Все его тело было невероятно напряжено, словно натянутая тетива. Он содрогался от желания. Но его поцелуй был лишь немногим больше, чем дуновение тепла, чем легкое касание вспыхнувшего и тут же угасшего язычка пламени.

Сама того не сознавая, Лайрэ с едва слышным, коротким стоном шире открыла губы, прося большего, чем предлагал Тааур. Огрубевшие в сражениях руки осторожно переместились, притягивая ее все ближе и ближе к средоточию плавающего в нем огня.

– Я хочу, чтобы ты сделал это.

Его выдох превратился в стон. Его губы настойчивее прильнули к ее губам. Его чресла соединялись с её бедрами в ритме древнего извечного танца страсти, таком же древнем и таком же вечно юном, как заря нового дня.

Наконец Тааур поднял голову и с трудом перевел дыхание.

– Мое тело знает тебя, – уверенно сказал он. – Оно откликается на тебя, как ни на кого другого.

Лайрэ охватила дрожь; она боролась с двумя потоками страсти – его и своей; их желание сливалось и росло, пока не стало рекой в половодье, и берег уже обваливался у нее под ногами, и течение было готово вот-вот подхватить ее и унести.

– Сколько раз мы лежали вместе в темноте, соединенные вот так и наши тела были горячими от желания? – спросил он.

Лайрэ хотела ответить, но, ощутив руку Тааура на своей груди, растеряла все мысли.

– Сколько раз я снимал с тебя одежду, целовал твои груди, твой живот, твои... В ответ раздался лишь прерывистый стон желания.

– Сколько раз я раздвигал тебе бедра и входил в тебя?? – зарычал он.

– Тааур, – простонала она. – Мы не должны.

– Почему нет, любимая? Почему нельзя делать того, что мы раньше уже делали много раз?

– Мы не... – У нее перехватило дыхание. – Никогда.

– Всегда!! – возразил ей Тааур.

– Тааур, – прерывающимся голосом прошептала Лайрэ, – ты как огонь, который сжигает меня.

– Нет, это ты меня сжигаешь!

– Мы не должны больше... касаться друг друга.

Тааур как-то загадочно усмехнулся.

– В свое время, – согласился он. – Но сначала я потушу тот огонь, что в тебе. А ты потушишь тот, что во мне.

Охваченная дрожью Лайрэ представила себя нагой в объятиях Тааура, когда одежда не притупляет пронзительности ощущений, когда между ними нет ничего, кроме страстного жара их слившегося дыхания, и она отдает свое тело своему темному воину.

Вдруг безымянного воина ты пожелаешь всем сердцем, душою и телом.

– Нет! – внезапно крикнула она. – Это грозит нам бедой!

Сильные руки сжали ее еще крепче и не дали ей вырваться, когда она попробовала это сделать.

– Отпусти! – воскликнула она.

– Не могу и не хочу, – рассмеялся он.

– Отпусти!

Тааур заглянул в широко открытые золотистые глаза Лайрэ. То, что он в них увидел, заставило разжать руки. В тот же миг она отступила на такое расстояние, чтобы он не мог до нее дотянуться.

– Ты боишься, – сказала она, сама почти не веря этому.

– Да... – коротко ответил он.

* * *

– Римс сказал мне, что ты хочешь поехать со мной в Фирн и посмотреть, как мои люди обучаются военному искусству, – сказал Гаррос.

– Да, – в один голос ответили Лайрэ и Тааур. Все трое стояли в перед открытой дверью. В нескольких шагах от них, за порогом, с видом кающегося грешника стоял Римс, держа под уздцы коней для Лайрэ и Тааура. Одна из них ударила копытом о землю и фыркнула, раздраженная струйкой дождевой воды, сбегавшей у нее по ноге – небо сочилось морозящим дождем.

Гаррос искоса бросил взгляд на Тааура, потом повернулся к Лайрэ.

– Раньше тебе никогда не хотелось смотреть на учения, – мягко заметил он.

– Как и Таауру, мне тоже надоело сидеть в усадьбе как репа в грядке, – натянуто ответила Лайрэ. – Осенние дожди

нагоняют тоску.

Гаррос повернулся теперь к Таауру. Тот попробовал улыбнуться, но его улыбке недоставало как веселья, так и непринужденности.

– В таком случае решено, – сказал Гаррос, шагая за порог, – едем в Фиирн.

Лайрэ натянула на голову капюшон своего плаща и ступила на траву, блестящую крупными каплями воды. Дым от горевших в очагах поленьев и торфа змеился в утреннем воздухе, пробираясь между каплями влаги, которые были слишком мелки, чтобы стать дождем, и слишком крупны для тумана.

Когда Лайрэ приблизилась, Римс сдернул покрывало с седла грациозной гнедой кобылки. Он не пытался помочь Лайрэ сесть в седло. Для этого ему нужно было бы прикоснуться к ней, но Римс знал, что никто не смел касаться Лайрэ без ее особого соизволения.

Тааур ничего такого не знал. Бросив изумленный взгляд на юного дружинника, он быстро шагнул вперед и посадил Лайрэ в седло, прежде чем остальные сообразили, что он собирается делать.

Гаррос успел наполовину выхватить свой меч из ножен, но увидел, что Лайрэ осталась спокойной. Прищурившись, он наблюдал за ними обоими.

Уже отпуская ее, Тааур позволил себе провести ладонями от талии к бедрам, ощущая упругость ее тела.

– Благодарю тебя, – сказала Лайрэ.

...Лайрэ в жизни не испытывала ничего подобного. Она казалась себе арфой, струны которой перебирают пальцы мастера. Каждое прикосновение Тааура вибрировало в ней, вызывая дивные аккорды в самых неожиданных местах. Бешеный стук ее сердца сочетался с каким-то странным ощущением, как будто что-то таяло глубоко у нее внутри. Дыхание становилось учащенным, а кожа приобретала тончайшую чувствительность.

Иногда ей было достаточно лишь посмотреть на Тааура, чтобы ею овладела сладкая истома, от которой душа таяла, словно воск в пламени. Тааур вскочил в седло запасной лошади с грацией прыгнувшей на забор кошки. Его рука ободряюще погладила густую лошадиную гриву.

Глубоко, до боли вздохнув, Лайрэ попыталась подавить зов своего тела, требующего именно этого единственного человека, которого ей было запрещено желать. Но она ничего не могла поделать со своей памятью, где жили и выражение глаз Тааура, когда он смотрел на нее...

– Лайрэ, тебе дурно? – спросил Гаррос.

– Нет, – слабым голосом ответила она.

– Что-то не верится.

С загадочной, чувственной усмешкой Тааур заставил свою лошадь посторониться и подождать, пока Гаррос займет свое место во главе и они тронутся в путь в неясном свете раннего утра.

Гаррос повернулся к Лайрэ.

– Вианна знает? – спросил Гаррос.

– Да.

– Что она сказала?

– Она все еще спрашивает совета у своих духов живущих среди дольменов и кромлехов.

Гаррос хмыкнул.

– На моей памяти Вианна никогда еще не раздумывала так долго над пророчеством.

– Никогда.

– Во имя Неба!! Неудивительно, что Таауру так не терпится убраться из усадьбы, – пробормотал Гаррос.

Лайрэ искоса глянула на него, но ничего не сказала.

– Что-то ты не очень разговорчива сегодня, – бросил Гаррос.

Она кивнула головой.

И не сказала ни слова.

С нетерпеливым проклятием Гаррос развернул лошадь, пришпорил ее и поскакал вперед. Двое дружинников с дружинниками рысью подъехали через луг и присоединились к этой небольшой кавалькаде. На них под плащами были надежды кольчуги, а головы были защищены округлыми шлемами. Под седлом у обоих дружинников были боевые кони чистых кровей.

Тааур перевел взгляд с дружинников в полном вооружении на Гарроса.

– Я... почувствовал себя таким же голым, как тогда, когда меня нашли, – сухо сказал Тааур.

– Ты думаешь, что когда-то носил доспехи? – спросил Гаррос.

– Я это знаю.

(Хотя – как будто совсем не такие как эти, – отчего то подумал он про себя. Или совсем не такие?)

Уверенность, прозвучавшая в голосе Тааура, не допускала сомнений.

По сигналу Гарроса воины повернули коней и выехали со двора усадьбы. Через какое-то время Гаррос поехал рядом с Таауром.

– Как твоя память – возвращается к тебе? – спросил Гаррос.

– Кусочки и осколки, не более того.

– Например?

Хотя вопрос был задан вполне вежливым тоном, обоим было ясно, что это требование, приказ.

– Я воевал – сказал Тааур, – но не знаю когда и где.

Гаррос кивнул, не высказав никакого удивления.

– Ты хорошо держишься в седле, – добавил Гаррос. Лицо Тааура приняло сначала удивленное, потом задумчивое выражение.

– Странно. Я думал, что не лучше чем прочие.

– Не лучше чем дружинники и воины – сказал Гаррос. – Вилланы, торговцы и им подобные – нет. Некоторые жрецы

хорошо ездят верхом.

– Не думаю, что я слуга богов.

– А почему бы и нет?

При этих словах Тааур невольно оглянулся через плечо на ехавшую в одиночестве Лайрэ.

Она заметила его взгляд и улыбнулась.

Тааур тоже улыбнулся в ответ, следя за ней со страстным томлением, которого не мог скрыть. Даже в это серое, дождливое утро она, казалось, притягивала к себе свет, становясь лучезарной сущностью, которая согревала вокруг всех и вся.

Он жалел, что не волен ехать рядом с Лайрэ, чтобы ногой изредка касаться ее ноги. Он любил наблюдать, как ее щеки заливаются румянцем от его прикосновения, слышать, как учащается ее дыхание...

– Даже не помышляй об этом, – ледяным тоном произнес Гаррос.

– Не помышлять о чем, милорд? – спросил Тааур.

– О том, чтобы соблазнить Лайрэ.

– Ни одну девицу невозможно соблазнить если она того не желает.

Тааур засмеялся, чем привел Гарроса в сильное возмущение.

– Ни одна нетронутая дева не может так пылко отзываться на присутствие мужчины, – с усмешкой возразил Тааур.

Раздражение Гарроса уступило место холодной ярости.

– Заруби себе на носу, Тааур Безымянный, – четко произ-

нес Гаррос. – Если ты обесчестишь Лайрэ, то ты умрешь.

Несколько мгновений Тааур молчал. Потом он посмотрел на Гарроса холодным, оценивающим взглядом человека, для которого сражения вовсе не были чем-то новым иди страшным.

– Не вынуждай меня схватиться с тобой, – сказал Тааур, – потому что я выйду победителем. Твоя смерть опечалила бы Лайрэ, а у меня нет желания причинять ей горе.

– Тогда держи свои руки подальше от нее.

– Как будет угодно леди. Но с другой стороны... Она уже давно переступила брачный возраст, однако все еще не обручена и не принадлежит никакому лорду. – Помолчав, Тааур добавил: – Или я ошибаюсь?

– Обручена? Нет.

– Она возлюбленная какого-то лорда?

– Я же сказал тебе, она *Запретная!*

– Она... твоя? – не отставал Тааур.

– Моя? Ты что, не слышал, что я сказал? Она...

– Запретная, – перебил Тааур. – Да. Это ты так говоришь.

Тааур нахмурился, пытаясь понять, почему Гаррос так упорно твердит, что Лайрэ – девственница, тогда как сам он ничуть не сомневался в противоположном.

– Ты бережешь Лайрэ для себя? – после минутного молчания спросил Тааур.

– Нет.

– В это трудно поверить.

– Почему?

– Лайрэ такая... необычная. Ни один увидевший ее мужчина не может не пожелать ее.

– Я могу, – резко сказал Гаррос. – Я к Лайрэ испытываю не больше плотского желания, чем к родной сестре.

От удивления Тааур не мог вымолвить ни слова и молча смотрел на Гарроса.

– Мы вместе выросли, – пояснил, тот.

– Тогда почему ты против... Ты ее уже обещал кому-то?

Гаррос покачал головой.

– Постой, дай сообразить, правильно ли я понял, – осторожно проговорил Тааур. – Сам ты не собираешься добиваться Лайрэ.

– Нет.

– И у тебя нет никаких планов относительно ее замужества.

– Никаких.

– И все же ты запрещаешь мне даже думать о ней. Это из-за того, что я не помню, кем – или чем – я был до того, как проснулся в усадьбе Лайрэ? – спросил Тааур.

– И это тоже!

С этими словами Гаррос прищпорил лошадь и поскакал вперед, догонять своих дружинников. Он больше не заговаривал с Таауром, пока они наконец не достигли цели и не поехали через окружавшие Фиирн деревушки и убранные поля.

Близость громады океана, скрытого серой завесой облаков, ощущалась в воздухе. Бухта, которую охранял Фиирн, была широкая и мелководная; при отливе обнажался низкий, плоский берег, а в час прилива вода подступала к окаймлявшим бухту соленым болотам заливаемым приливом. Небольшие ручейки стекались к бухте с покрытой зеленью холмистой равнины.

Когда всадники оказались внутри частокола, которым был обнесен Фиирн, Гаррос повернул лошадь и махнул Лайрэ и Таауру, чтобы те поднялись к нему на холм, возвышавшийся над земляными укреплениями. С этого места было ясно видно, что оборонительные сооружения Фиирна перестраивались так, чтобы превратить его в настоящий неприступный бастион. Множество народу трудилось здесь – волокли на тачках камни, тащили бревна, трамбовали землю между стенами.

Еще один частокол из массивных бревен возводился почти у самого основания каменистого холма, господствовавшего над берегом и заливом. Стоявший на вершине холма замок выглядел внушительно. Барбакан и башни, парапеты и внутренний двор, ров и подъемный мост... Толково сделано, – промелькнуло у него.

Дальше линии укреплений почти ничего нельзя было различить, кроме густого тумана, темного блеска воды в затонах да прибитой ветром травы.

– Что скажешь? – спросил Гаррос у Лайрэ, когда та подь-

ехала к нему в сопровождении Тааура.

– Работа идет так быстро, – сказала Лайрэ. – Просто не верится. В прошлый раз, когда я приезжала в Фиирн, здесь был всего лишь один частокол для защиты замка.

Смысл этого лихорадочного строительства не ускользнул от Тааура. Фиирн укреплялся со всей быстротой, на которую были способны люди, таскавшие камень, бревна и корзины с землей.

– Когда укрепления будут готовы, я собираюсь заново перестроить дом, сделать его целиком из камня, – сказал Гаррос. – Потом заменю наружные частоколы каменными стенами и поставлю еще один частокол из бревен и земли. И выкопаю хороший ров...

– Это будет просто великолепно, – радостно улыбнулась Лайрэ.

– Меньшего Фиирн не заслуживает. Когда я женюсь, здесь будет мое главное жилище.

– Лорд Артор-Симво уже выбрал тебе достойную супругу? – спросила Лайрэ.

Прищурившись, Тааур старался уловить хотя бы намек на ревность в голосе Лайрэ. Гарроса, может быть, и не тянет к Лайрэ, как тянет мужчину к желанной женщине, но Таауру казалось невероятным, чтобы Лайрэ не влекло к красавцу-лорду.

Но, как бы внимательно ни прислушивался и ни вглядывался Тааур, он не находил ни в ее голосе, ни в выражении

лица ничего, кроме простой привязанности.

– Нет, – ответил Гаррос. – Трудно найти девушку, которая была бы угодна сразу и лорду и ковирскому королю.

Тааур заметил в голосе Гарроса скрытое раздражение – видеть короля он недолюбливал.

– А что станет с Геортеном после того, как ты женишься? – спросила Лайрэ. – Я не могу его себе представить без тебя.

– Ты будешь здесь в полной безопасности – в замке будут жить Вианна и мой шателен⁶.

– А, так ты решил наконец, кто будет твоим наместником в этой земле?

– Нет. Я пока не нашел никого, кому можно доверить такой лакомый кусочек, как замок Геортен. А до тех пор... – Гаррос пожал плечами.

– Мне будет тебя не хватать.

Лайрэ так тихо произнесла эти слова, что Гаррос их почти не услышал.

Зато услышал Тааур. Это новое свидетельство привязанности между Гарросом и Лайрэ раздосадовало его.

– Все равно я буду проводить немало времени в Геортене и в Зигианде, – сказал Гаррос, – независимо от того, женат я буду или нет.

Лайрэ только улыбнулась, покачала головой и сказала:

– Ты славно потрудился над укреплением Фиирна.

– Я не собираюсь отдавать свою землю ульфхтангским за-

⁶ Шателен – управляющий замком и командующий гарнизоном.

хватчикам, – бросил он в ответ.

– Ты в скором времени ждешь нападения? – осведомился Тааур.

– А почему ты спрашиваешь? – резко спросил Гаррос.

– У твоих работников такой вид, будто ты на них возил снопы с полей... – пожал тот плечами.

Несколько мгновений Гаррос не спускал с Тааура пристального взгляда. Но не увидел ни в его позе, ни в глазах ничего такого, что указывало бы на человека, задающего вопросы с какой-то скрытой целью.

Напротив, Тааур казался одним из самых честных людей, с какими приходилось встречаться лорду. И Гаррос был готов рискнуть многим, поставив на честность Тааура.

В сущности, он уже это сделал.

– Из всех отцовых владений Фиирн – самое уязвимое для ульфхтангских набегов, – сообщил Гаррос. – Да и родичи жаждут заполучить его.

– По той причине, что он преграждает самый удобный путь с моря вглубь Седых Земель? – спросил Тааур.

– В самом деле? – удивился Гаррос. – А ведь так и есть! Твои глаза видят очень далеко!

Лайрэ настороженно взглянула на Гарроса. Всякий раз, когда он заговаривал этим особенным, мягким тоном, те, кто поумнее, начинали искать куда бы убежать.

– Не вижу никакого другого резона, чтобы держать крепость в этом месте, у кромки не годящихся под пашню со-

ленных болот, – ответил Тааур. – Здесь нет ни ни скалистых утесов, ни реки – ничего, что можно было бы использовать против врага; есть лишь то, что построишь сам.

– Очевидно, ты обучался искусству воина в то время, память о котором у тебя исчезла, – сказал Гаррос. – Мне кажется ты приказывал, а не подчинялся?

Боясь молчать и боясь говорить, Лайрэ затаила дыхание и ждала, что скажет на это Тааур.

– Пожалуй... да, – ответил Тааур.

– Но ты не уверен? – продолжал допытываться Гаррос.

– Трудно быть уверенным, когда ничего не помнишь, – хмуро сказал Тааур.

– Если вспомнишь – скажи мне. У меня есть нужда в людях, которые могут вести за собой других.

– Чтобы оборонять твой замок?

– Да. Орки жаждут захватить его не меньше, чем Зигианд.

– А Фиирн жаждут прибрать к рукам еще и ульфхтанги.

– Должно быть славно владеть такой землей? – тихо произнес Тааур.

– Как сказать... – Это самое богатое из владений отца... Поля плодородны, а леса изобилуют дичью. На пастбищах тучнеют изрядные стада коров и овец. Море круглый год дает рыбу – а где рыба – с голоду не умрешь. Только вот...

– Только вот каждый бездельник с топором и дубиной спит и видит, как бы отобрать у тебя эту землю.

Лайрэ закрыла глаза и стала молиться, чтобы Гаррос уви-

дел в Таауре то, что видела она, – человека, говорящего правду в кругу людей, которых считает своими друзьями.

– А мне больше нравится соленый ветер и крик морских птиц, – услышала Лайрэ слова Гарроса.

– У тебя есть все это, – сказал Тааур.

– Да, пока я могу удерживать их в руках – они мои. В Седых Землях у человека столько будущего, на сколько дотянется меч в его руке.

Тааур засмеялся.

– Твоему отцу повезло: у него сильный сын!

Лайрэ открыла глаза и с облегчением перевела дыхание. Гаррос поддразнивал Тааура, как если бы разговаривал с другом.

– А ты согласен? – спросил Гаррос.

– Да, – сказал Тааур. – Я люблю хорошую драку. Дай мне меч – тогда и увидишь.

Сердце Лайрэ сжалось от страха.

– Нет, – решительно сказала Лайрэ. – Ты почти погиб тогда, во время грозы. Тебе еще рано драться.

Тааур заглянул в ее полные тревоги золотистые глаза и почувствовал, будто внутри у него развязался какой-то тугой узел.

– Не тревожься, о возлюбленная моя, – прошептал Тааур возле самой ее щеки. – Меня не побить плохо обученным кнехтам.

Лайрэ с неохотой отпустила запястье Тааура. Тааур уви-

дел томление у нее во взоре и почувствовал, как его охватывает пламя, вспыхнувшее в низу живота. Его ладонь накрыла ее пальцы.

Гарроса, наблюдавшего эту сцену, обуревало смешанное чувство изумления и тревоги.

– Ты говорила мне, – сказал он Лайрэ, – но я до конца так и не поверил. Прикосновение к нему... Оно... оно тебе приятно.

– Да. Очень.

Гаррос перевел взгляд с лица Лайрэ, на котором одновременно читались и радость, и грусть, на лицо Тааура. На нем выражение дерзкого вызова сочеталось с чувственным наслаждением и делало Тааура похожим сразу и на воина, и на влюбленного юношу.

– Я очень надеюсь, – отдельно сказал Гаррос, обращаясь к Лайрэ, – что Вианна закончит свои гадания раньше, чем мне придется выбирать между тем, что приятно тебе, и судьбой Седых Земель.

Лайрэ задрожала от страха. Она закрыла глаза и ничего не сказала на это.

Но и не высвободила свои пальцы из сжимавшей их руки Тааура.

Сквозь туман до них донесся крик одного из дружинников Гарроса. Гаррос и Тааур разом повернулись. Со стороны конюшен скакали четыре витязя, направляясь к тому месту, где стоял Гаррос. Трое из них были Гарросу знакомы. Чет-

вертого он не знал.

Тааур выпрямился в седле и подался вперед, словно хотел рассмотреть их получше в густом клубящемся тумане. Трое из этих дружинников были ему незнакомы.

Вид четвертого заставил тени памяти шевельнуться и сгуститься в нечто среднее между памятью и забвением.

Лайрэ почувствовала, как судорожно дернулись и задрожали тени воспоминаний Тааура – словно заворочался просыпавшийся в темной глубине дракон.

– Кто этот человек с ними? – спросила она у Гарроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.